

1/2016

SLAVICA NITRIENSIS

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

2016

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

- Hlavný redaktor: prof. PhDr. Natália Korina, CSc.
- Redakčná rada: prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc. (Belgorod, RF)
prof. PhDr. Juraj Dolník, DrSc. (Bratislava, SR)
doc. PhDr. Anton Eliáš, CSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Michal Harpáň, CSc. (Nový Sad, Srbsko)
doc. Jevgenij V. Jevpak, CSc. (Kemerovo, RF)
prof. PhDr. Ľubomír Kralčák, PhD. (Nitra, SR)
PhDr. Marián Macho, PhD. (Nitra, SR)
prof. Boris J. Norman, DrSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno, ČR)
prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD. (Prešov, SR)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra, SR)
prof. PhDr. Eva Tučná, CSc. (Nitra, SR)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc, ČR)
prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (České Budejovice, ČR)
- Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 94974 Nitra
IČO: 00157716
- Adresa redakcie: Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Vychádza dvakrát do roka.
Ročník 5, 2016, 1
Toto číslo vyšlo v júni 2016.

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 5 *Наталья Семененко: Аксиология паремий как комплексная лингвистическая проблема*
Axiology of Paremiology as a Complex Linguistic Problem
- 27 *Ivo Pospíšil: On the Margin of Genre Typology or The Hidden Pioneer of Russian Science Fiction (Faddey Bulgarin)*
Na margo žánrovej typológie skrytého priekopníka ruskej science fiction (Faddej Bulgarin)
- 41 *Евгений Евапак: К вопросу о функционировании русского языка в зарубежье*
Some Questions Regarding the Functioning of Russian Language Abroad
- 51 *Peter Ivanič: Slovensko-macedónske jazykové paralely v oikonymách II.*
Slovak-Macedonian Language Parallels in Oikonyms II.

ROZHĽADY / SURVEYS

- 63 *O prozaickej tvorbe Marka Gregura (Patrícia Želizňáková)*

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 67 *Соколова, Я.: Лексическая редупликация. Маргинальное явление словацкого языка? (Ян Галло)*

- 73 *AUTORI ČÍSLA / AUTHORS*

АКСИОЛОГИЯ ПАРЕМИЙ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Наталья Семененко

AXIOLOGY OF PAREMIAS AS A COMPLEX LINGUISTIC PROBLEM

Abstract: The article runs about complex of problems in description of axiological aspect paremias' semantics. It is necessary to highlight that paremias create a specific axiological unit with typical ethnocultural features. Paremias are the signs of indirect nomination as well as a discourse signs that realize a quantum of potentials according to modeling and representation of cultural axiosphere, that's the reason of theoretical research of its linguistic semiosis. The problem of axiological representation in the field of paremia semantics is highly actual both in postmodern tendencies in modern linguistics and in the mail goals of classical semantics and linguistic semiotics.

Keywords: axiolinguistics, paremia, axiology, linguistic worldview, indirect nomination, linguistic semiosis

Введение

Аксиолингвистика – научное направление, объект которого носит лингвофилософский характер и трактуется в определённом абстрагировании от уже достаточно традиционного подхода к нему как к «определённым образом пре-структурированному и постоянно структурируемому "дому бытия" человека в координатах "картины мира" и предлагает подход к языку как к «пространству энергейного... пересечения множества модусов переживания бытия человеком в его воздействующем диалоге с открывающимся познанию и освоению миром и самим собой в процессах жизни – выживания, вовлечённости, самовыражения, самоидентификации, попытках гармонизации, единения с этим миром и другими, подобными себе» (Серебренникова, 2011, с. 3).

Современная аксиолингвистика в ходе решения ряда базовых проблем, в том числе (1) проблемы разработки общей теории аксиосферы; (2) вопросов описания фундаментальных категорий ценности и оценочности с последовательным разграничением ценностного и оценочного компонентов значения; (3) проблемы амбивалентности оценки и поливалентности ценностных репрезентаций; (4) задач по определению семантического и семиологического статуса ценности и т. д., особое внимание обращает на *паремии* как афоризмы фольклорного происхождения,

характеризующиеся рядом когнитивно-прагматических функций, обуславливающих их исключительную силу убеждения.

Именно статус аксиоматического текста, который в модально усиленной форме выражает стереотипное для национальной культуры мнение, позволяет большинству паремиологов выделять в качестве ведущей когнитивно-прагматической функции пословиц функцию дидактическую. При этом важно отметить, что **паремическая дидактика** выходит за пределы собственно передачи опыта в его информативной составляющей и мыслится скорее как **психосоциальное и лингвоментальное моделирование языковой личности, цель которого – реализация продуктивной для этнокультуры модели стереотипной интерпретации и оценки реалий и систем культуры**.

При подобном подходе на передний план рассмотрения выходит стереотипная мораль, транслируемая пословицей и в ходе когнитивно-прагматического описания раскрывающая определённые стереотипы в синергичном взаимодействии ценности и оценки в смысловом пространстве афористического значения.

Не менее значима для определения аксиологического статуса паремической семантики и функция приоритетного средства моделирования языковой картины мира, на которую указывает Н. Корина (Корина, 2014, с. 14). Действительно, картина мира в её лингвокультурологическом понимании – это не просто система отражения представлений человека, погружённого в систему этнокультуры, но и некая мировоззренческая основа для оперирования данными категориями в определённом ценностном русле.

Дидактическая функция и ценностная семантика паремий

Дидактика пословиц весьма разнообразна, что обусловлено, в первую очередь, структурно-семантическим типом паремии. Например, *Не клей держит, а фуганок* – пословица с афористическим значением, обобщённость которого проявляется большей частью в формально-грамматическом русле: наблюдается типическая для пословиц безотносительность хронотопа текста пословицы (время – 'всегда', 'пространство' – везде, 'объект/субъект' – любой), синтаксическая структура высказывания соответствует его основной модальной функции – трансляции аксиомы. Вместе с тем, мы не наблюдаем переосмысления денотатов лексических компонентов пословицы, что позволяет отнести её к числу «необразных» по классификации Г. Л. Пермякова. Таким образом, выраженные условия для реализации дидактической функции

позволяют передать чёткое указание на приоритет профессиональных действий, пословица выступает как своеобразная «профессиональная» мудрость, сохраняя при этом все ведущие параметры народного афоризма. Аналогичную картину мы наблюдаем в следующих пословицах:

Живи с разумом, так и лекарок не надо;
Говори, да не проговаривайся;
Без толку молитесь, без меры согрешаете;
Живут же люди неправдой, так и нам не лопнуть стать;
Чего не поищешь, того не сыщешь (не найдёшь);
Не дай бог с дураком ни найти, ни потерять;
Потерял – не сказывай, нашёл – не показывай и др.

Дидактика указанных пословиц характеризуется (1) однозначностью прагматической рекомендации, нацеленной на определённое действие/поступок/состояние; (2) выраженной связью с определённой сферой культуры человека (бытовой, профессиональной, религиозной и т. д.); (3) категоричностью в оценке ценностной составляющей семантики высказывания.

Как мы видим, на дидактику пословицы существенно влияет степень обобщённости значения, напрямую связанная с образным статусом паремического текста. Например, рассмотрим формирование «подтекстовой» семантики в паремиях, обобщённое значение которых характеризуется (1) поликонцептуальностью когнитивного основания и (2) потенциальной готовностью к соотнесению с самым широким спектром жизненных ситуаций, достаточно далеко выходящих за предметно-ситуативный круг, очерченный в денотативном плане пословиц, а также (3) возможностями переосмысления, результат которого представлен в **подтексте пословицы** как в **результате метафорического переосмысления сущности денотатов, образующих композицию паремического текста**:

– *Часто кадят – не успеешь кланяться* – расширение денотативного пространства при условии доминирования в значении сем 'создают условия' и 'благодарить', соответственно, прагматическая рекомендация 'не обращать внимания на излишнее усердие людей, если оно требует от тебя слишком большой и неоправданной отдачи' может распространяться на самый широкий спектр жизненных ситуаций, будучи устойчиво связанной при этом с ценностью «Адекватная благодарность».

– *Либо коня хорошего держать, либо плеть* – расширение денотативного пространства при условии доминирования в значении сем 'исполнитель' и 'орудие манипуляции' – прагматическая рекомендация

в данном случае обусловлена преимущественно логической пропозицией высказывания, которая «проявляет» смысл 'выбери одно из двух' практически независимо от конкретного денотативного наполнения модели и, тем более, независимо от референтной семантики, реализуемой в дискурсе. Поэтому, несмотря на возможно широкий спектр вербализуемых посредством паремии предметных ценностей культуры, будет последовательно реализована и ценность «Умение совершать выбор».

– *Из больших хором не знаем куда попадём* – в данном примере расширение денотативного пространства происходит при условии доминирования в значении пословицы сем 'комфортное место' и 'некомфортное место', что делает «подтекстовую» трактовку *хором* достаточно широкой; ценность «Дальновидность» при этом, в зависимости от дискурсивной реализации пословицы, будет вступать во взаимодействие с различными ценностно-оценочными доминантами: от 'условий жизни/работы/отдыха...'; до 'судьбы/событий/людского окружения...'.

Таким образом, в целом паремическая дидактика заключается в формировании стереотипных оценок, суждений и алгоритмов осознания действительности, осуществляемом в процессе (1) восприятия заложенных в семантику пословицы закономерностей осознания окружающего мира, (2) уяснения взаимоотношений и соотношения отдельных ценностных доминант культуры и (3) обучения применению в речи формул модальности, оценочности и эмотивности как факторов репрезентации ценности культуры через их приложение к собственно языковой семантике паремии со всеми нюансами её выражения.

Понимание **ценности**, в данном случае, носит выраженный культурологический характер и может быть определено как **обобщённый образ значимого для национального сообщества артефакта, концепта, идеи, ритуала и других элементов материальной и духовной культуры**.

Аксиологический компонент паремического значения в свете задач когнитивно-дискурсивного моделирования семантики

Выступая в качестве проводников указанных элементов, пословицы не просто метко характеризуют ситуацию, связанную с осмыслением той или иной ценности, а моделируют сферу культуры в соответствии с множеством оценок и полифонией мнений, наличествующих в её традиционной сфере. Получается, что пословица как носитель ценностного содержания выступает в качестве не номинативного, а интерпретирующего средства языка. Соответственно, и само ценностное содержание

носит выраженный оценочный характер и воспринимается изначально обусловленным конкретной дискурсивной привязкой, которая имеется непосредственно в речевой коммуникации или предполагается при осмыслении семантики пословицы применительно к гипотетической ситуации общения.

Указанная сложность однозначного прочтения и толкования мнения, выраженного в пословице, в случае отсутствия выраженного контекста ситуации общения и собственно речевого контекста не только вызывает разночтения в отнесении пословиц к той или иной тематической группе (Семененко, 2009, с. 25), но и порождает дискуссию при определении рекомендуемой в паремии позиции относительно той или иной ценности культуры. Например, *Мать высоко замахивается, да не больно бьёт* – пословица с конкретной семантикой (афористическое значение характеризуется денотативной обусловленностью), традиционно относимая к тематическим группам «Семья – Родня», «Мать – Отец» по принципу «ключевого слова». В силу достаточной референтности денотата 'мать' «вывести» данную пословицу за пределы дискурса о матери крайне не сложно, – разве что за счёт метафорического переноса 'мать – начальница' или 'мать – учительница', и то гипотетически... Вместе с тем, «Мать» – далеко не единственная ценность, вербализованная в семантическом пространстве паремии: на уровне логической пропозиции здесь реализована ценность «Истинные намерения», а посредством подтекста – «Любовь», которые в определённом исследовательском ракурсе также могут стать основанием для группировки паремий.

Помимо прочего, актуальность обращения к ценностному компоненту паремической семантики обусловлена ставшим уже традиционным для антропоцентрически ориентированной лингвистики подходом к решению проблем семантики знаков косвенно-производной номинации в системе «Язык – текст – дискурс». Действительно, паремия как синкретичный знак, совмещающий свойства тексты (языкового знака) и высказывания (дискурсивной единицы), многим особенностям своей речевой реализации обязана именно сочетанию свойств мини-текста со «свёрнутой» смысловой структурой и единицы дискурса, способствующей смыслообразованию в его пространстве.

Синкретичная природа паремий, равно как и их статус текстов культуры, репрезентирующих стереотипные формулы народного мировоззрения (в особенности в оценке традиционных сторон культуры), способствуют выделению исследовательского подхода к моделированию паремической семантики с учётом многоуровневости системы её параметров и с применением когнитивно-дискурсивного подхода,

учитывающего такие когнитивно-дискурсивные факторы, как (1) активная когнитивная интеграция в основании значения народного афоризма, обусловленная интенциональным воздействием дискурса и (2) собственно дискурсивно выраженный прагматический смысл высказывания, порождаемый субъективным авторским коммуникативом текста, с одной стороны, и общеязыковым афористическим значением паремии как носителем этнокультурно-стереотипной оценки, с другой стороны.

Подобная методологическая акцентуализация свойств объекта исследования вполне согласуется с общими задачами современной аксиологической лингвистики, которая занимается моделированием и описанием неявных семантических механизмов, выполняющих роль «связующего звена между лексико-семантической оценочной системой и социальным опытом национально-культурного сообщества» (Болотина – Шабашева, 2013, с. 22).

Применяемый в ходе когнитивно-дискурсивного моделирования ценностной составляющей паремической семантики метод основан на концепции когнитивно-дискурсивного смыслообразования Н. Ф. Алефиренко, который обосновывает синергетическую функцию «смыслопорождающего концепта» как некоей «подвижной» когнитивной единицы, продолжающей свою когнитивную деятельность и по завершении процесса знакообразования – при взаимодействии с топиками и условиями конкретного дискурса, в котором используется её языковой «носитель» (Алефиренко, 2013; 2014).

Иллюстрацией к положению о смыслопорождающем концепте, который играет особую роль как в знакообразовании паремии, так и в процессе её дискурсивной семантизации, может послужить фрагмент анализа **когнитивно-прагматического пространства** (КПП) «Оптимизм» **как парадигмы народных афоризмов, репрезентирующих часть концептосферы с доминирующей ценностью** «Оптимизм». Материал взят из сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля (2005). Параметры указанного КПП определяются в соответствии с конфигурацией полевой структуры. Ядерное пространство образуется областью вербализации концепта «Надежда» и его синсемантических коррелятов (**синсемантический коррелят концепта – это его прагматически обусловленный аспект как следствие когнитивной интеграции, возникающей при коллективном осмыслении взаимосвязи важнейших категорий культуры**) (см.: Семененко, 2011, с. 28 – 29). Наиболее репрезентативными для данного материала оказались следующие синсемантические корреляты: «Надежда/Вера», «Надежда/Смирение»,

«Надежда/Божья милость», «Надежда/Справедливость», «Надежда/Знание жизни». Например,

Не узнав горя не узнаешь и радости – смыслопорождающий концепт «Надежда/Смирение», ценностное содержание 'оптимизм даётся как осмысление жизненного опыта';

Худое видали, хорошее увидим, так же, как и

Вечёр плач, а заутрене радость – смыслопорождающий концепт «Надежда/Справедливость», ценностное содержание 'оптимизм – это понимание того, что хорошее и плохое в жизни чередуются';

Жив бог, жива душа моя, так же, как и

Дал бог рыбу, даст и хлеба – смыслопорождающий концепт «Надежда/Божья милость», ценностное содержание 'оптимизм находится в системе мировоззрения верующего человека, уповающего на Господа';

Государева земля не клином сошлась – смыслопорождающий концепт «Надежда/Знание жизни», ценностное содержание 'оптимизм даётся как осмысление жизненного опыта';

Удаётся и червячку на веку, так же, как и

Придёт солнышко и к нашим окошечкам – смыслопорождающий концепт «Надежда/Справедливость», ценностное содержание 'оптимизм должен сопровождать каждого, независимо от его статуса и достижений'.

Ближняя периферия обозначенной структуры является следствием вербализации концептов «Счастье» и «Удача» в их различных интегративных связках и характеризуется доминированием содержательных признаков 'оптимизм как средство адаптации к жизни' на фоне фактора прагматических смыслов 'оптимизм там, где душевное спокойствие' и 'оптимизм разрушается потерями', что приводит к достаточно последовательной репрезентации антипода ценности «Оптимизм» – «Фатализм»:

Что с возу упало, то пропало – смыслопорождающий концепт «Удача/Потеря», ценностное содержание 'оптимизм неуместен в случае потери';

Что в людях живёт, то и нас не минёт – смыслопорождающий концепт «Удача/Судьба», ценностное содержание 'оптимизм и фатализм уместны в равной степени, когда мы сравниваем свою судьбу с судьбами других людей';

Убил бобра, а не нашёл добра – смыслопорождающий концепт «Удача/Несправедливость», ценностное содержание 'оптимизм неуместен даже в случае достижения цели – может не быть желаемого результата'.

По мере удаления от ядра КПП доминирующая ценность «Оптимизм» из ведущей в моделировании смысловой структуры паремии становится всё менее значимой. В качестве одного из неоднозначно трактуемых примеров рассмотрим пословицу *Лучше не свыкаться, чем*

расставаться, которую в ходе выделения и описания КПП паремий «Оптимизм» мы отнесли к ближней периферии. В приведённой пословице прагматическая оценка как основной проводник ценностного содержания выражается в характеристике значимости для душевного равновесия человека соотношения 'надежды' и 'разочарования', 'радости' и 'потери' – соответственно, в паремическом высказывании характеризуется сопутствующее качество «Оптимизма» через его соотношение с процессуальными элементами осмысления ценностей «Надежда» и «Душевное спокойствие». «Надежда» сначала 'обретается', затем 'теряется', а «Душевное спокойствие» 'разрушается', что и действует разрушающе на «Оптимизм» как 'модель поведения и способ мироощущения, при котором человек надеется на благополучный исход событий'. Данный механизм взаимопредставленности ценностей и порождает прагматическую соотнесённость «Оптимизма» с «Душевым равновесием», когда изначальное проявление отсутствия «Оптимизма» обусловлено тем, что 'человек знает – за радостью последует печаль от разлуки', потому и сберегает «Душевное равновесие».

Смыслорождающий механизм взаимодействия когнитивного основания значения с коннотацией вербальной формы в ходе знакообразования пословицы совершается в русле когнитивной интеграции фрейма «Встречи – Расставания» в части слота «Сожаление о расставании» с концептом «Скучать/Сожалеть», который в данном случае выступает в качестве смыслорождающего фактора, ориентируя структуру фрейма на интеграцию концептов «Привычка» и «Разлука». В ходе когнитивной интеграции образуется гештальт «Не радоваться, чтобы потом не расстраиваться», эмоционально-чувственный план которого заключается в попытке соотнести масштабы негативных эмоций в случае расставания с позитивными эмоциями, испытываемыми в процессе общения с приятным нам человеком. Это «зыбкое» чувство в гештальте соединяется с содержательным планом 'забегать вперёд, предвидеть финал событий/отношений'. При этом выражение ценности «Оптимизм» происходит по принципу «от обратного»: 'если хочешь надеяться на лучшее будущее – моделируй его сам изначальное'.

Таким образом, выявление механизма когнитивной интеграции (его составляющих, смыслоформирующей роли активного концепта и гештальта (в данном случае)) – это значимый аспект когнитивно-дискурсивного моделирования аксиологического компонента паремической семантики. На рассмотренном этапе мы отслеживаем взаимодействие различных ценностных акцентов при осмыслении той ценностной доминанты, которая задана внутренней формой высказывания:

Лучше не свыкаться, чем расставаться («Фатализм» как составляющая амбивалентного образа «Оптимизма»).

В целом, анализ КПП, организованного по принципу доминирования определённой ценности, одной из ведущих задач имеет выявление градации проявления ценностной семантики при различных вариантах когнитивной интеграции, что и способствует, в конечном итоге, преодолению определённой механистичности в разделении когнитивных доминант на «ценности» и «антиценности».

Лингвокультурологический статус ценности в аспекте паремической репрезентации

Помимо рассмотренной нами неоднозначности в толковании ценностного компонента содержания паремии, обусловленной выраженной субъективностью интерпретации, в проблемном поле современной лингвокультурологии выделяется и задача непосредственного выявления ценностной составляющей паремической семантики, которая во многих лингвокультурологических исследованиях фактически сопряжена с попыткой раскодировки её этнокультурной значимости и нередко смешивается с понятием этнокультурной специфики. Причина подобных исследовательских погрешностей кроется, скорее всего, в безусловном признании пословицы своеобразным «рупором народного мнения», который реализует функцию аккумуляции и ретрансляции норм общественной морали. Кроме того, в силу органической близости событийной основы пословицы и традиционных представлений носителей языка об обыденных сферах их цитирования, паремии не просто внедряют в сознание каждого нового поколения стереотипные представления о важных для культуры аспектах морали и нравственности, но и убеждают нас в практической значимости той или иной ценности, в комплексе раскрывая её утилитарную, с одной стороны, и философскую либо религиозную сущность – с другой. Например,

Не надейся на счастье: не кипи коня хромого! – «Счастье/Удача»;

Не всё лови, что плывёт! Не всё уди, что клюёт! – «Счастье в руки идёт». Вместе с тем,

Удача нахрап любит – «Желанное счастье»;

Попытка не пытка, коль спрос не беда – «Халява». При этом не всё зависит от желания и расторопности человека:

Счастье не батрак: за вихор не притянешь – «Удача». Да и не всем «Счастье/удача» суждены:

Не наше счастье, чтоб найти, а наше, чтоб потерять – «Рок/Судьба»;

Деньги идут к богатому, а злыдни к убогому – «Несправедливая судьба» и т. д. Более того, счастье – не самоцель и не обязательное состояние для человека:

Не всё коту масленица, будет и великий пост – «Счастье/Изобилие»;

Не выросла та яблонька, чтоб на неё птица не садилась – «Счастье/Дар божий». В конце концов, всё в руках «Судьбы» и «Бога»:

Кто ныне мал – завтра велик, в ныне велик – завтра мал – «Справедливость»;

И почище нас, да слезой умываются – «Равенство».

Описанный фактор влияния мнения, выраженного в пословице, на формулировки ценностных доминант культуры можно определить как прагматический, в то время как уместно выделить и сугубо лингвокогнитивные факторы паремической семантики, которые способствуют восприятию пословичной морали как безусловно верной. Во-первых, в реальном дискурсе пословица представляет собой речевую реализацию пословицы как текстемы. Под паремической текстемой в данном случае понимается **инвариантная модель текста пословицы, план содержания которой представляет собой унифицированное – отвлечённое от дискурсивно обусловленных смыслов – афористическое значение**. Благодаря яркой внутренней форме, которая, как правило, характеризует пословицу, её обобщённое афористическое значение имеет структуру не столько высказывания как коммуникативно-речевого события, сколько убеждения как некоего идейно-мировоззренческого «манифеста», благодаря чему паремическое значение реализует достаточно широкую смысловую палитру и без внешнего дискурса. Тем более, что любой подход к интерпретации смыслового пространства текста отдельно от его интертекстовой сущности обусловлен классической лингвистической традицией (Sokolová, 2012, с. 27; Галло, 2012, с. 41).

Вследствие реализации перечисленных свойств семантики, пословица (исходно) с опорой на своё обобщённое значение репрезентирует ту или иную ценность как некий «идейно-мировоззренческий» конгломерат, формирующийся непосредственно в её текстовом пространстве как следствие когнитивной интеграции концептов культуры. Например, *В лесу люди лесеют, а в людях людеют* – афористическое значение 'человеческие качества приобретаются как наглядный опыт, перенимаются от окружающих людей' реализовано с опорой на внутреннюю форму высказывания, формирующую образ 'человеческих качеств как прямого следствия человеческого общения' с помощью окказионального словообразования (*лесеют, людеют*); ценностная составляющая паремического значения при этом обусловлена как морфемной

тавтологией (*люди людеют*), актуализирующей значимость семантического компонента 'человечность', так и лингвокогнитивной пропозицией – собственно когнитивным основанием паремического значения, представленным как интеграция следующих концептов: «Человек» + «Общество» + «Традиция». Отмеченная концептуальная модель реализуется под воздействием смыслового вектора, когнитивным «толчком» для которого является гештальт «Озверение человека», вербализованный в его энантиосемичной вариации «Очеловечивание потерявшего человечность» с использованием композиционно-грамматического параллелизма (*в лесу лесеют... в людях людеют*). Репрезентированная ценность «Человечность» при этом подразумевается как некий логический вывод из осмысления лингвистической головоломки окказионального словообразования – получается, что законы природы формируют мораль животного мира, а человеческие законы (суть мораль) формируют духовную сущность человека. Интересно, что сам факт разграничения 'человеческого и животного' в пословице выражен имплицитно, на уровне подтекста, а *лесеющие в лесу люди*, по сути, – аллюзия к *зверующим людям*. Таким образом, ценность, репрезентированная в данной пословице, по своему смысловому наполнению существенно отличается от понятия, закреплённого за лексемой *человечность*, которую мы используем в качестве имени соответствующего концепта, подразумевая следующее содержание, сформированное пословичной текстом, – 'свойство, формируемое только в сообществе под действием его законов и традиций'.

Дискурсивный аспект взаимодействия ценности и оценки в семантическом пространстве паремии

Как мы видим, ценностная составляющая семантики вполне отчётливо прочитывается при рассмотрении семантики пословицы даже без привлечения внешнего по отношению к её тексту дискурса. При этом открытым остаётся вопрос о соотношении ценностного содержания и коннотативного компонента паремической семантики. Действительно, ***оценочная семантика паремий как фактор семантизации ценностного содержания – явление дискурсивно обусловленное, находящееся в прямой зависимости от дискурсивной интенции как важнейшего когнитивно-дискурсивного фактора, корректирующего прагматические условия словообразования.*** Потому говорить о соотношении ценности и оценки в паремической семантике мы можем только на основании анализа дискурсивного бытования паремии.

Например, пословица *За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да своё* в контексте произведения А. Ф. Суздальцева интерпретируется в условиях прямой мотивации внутренней формой. В ходе авторских размышлений значение пословицы, обрастая референциальными признаками, порождает прагматически обусловленный оценочный смысл 'эмиграция счастья не приносит', а счастье на Родине оценивается как 'выстраданное' и 'нерадостное':

*...Пусть в стране той сытное житьё,
Что в ней делать с русской душою?
За морем веселье – да чужое,
А у нас и горе – да своё.
Мне твоя чужбина не нужна.
Каждому дарованы Всевышним
Мать одна и родина одна.
Воздухом ли,
родиной ли дышим?
Выстрадал за сотни лет народ
Поговорку о чужом веселье...
Я хочу, чтобы из года в год
Те же звёзды надо мной висели.
Чтобы, как река, заря текла
И алела над моей Россией.
Не было и нет её красивей,
Жаль, не часто радостной была*

(<http://ognikuzbassa.ru/category-poetry/394-a-u-nas-i-gore-da-svojo>. Дата обращения 21.09.2015).

Следует отметить, что у приведённой выше пословицы отмечена чёткая и лишь частично переосмысленная по типу фразеологизации значения одного из компонентов текста пословицы (*за морем* как 'на чужбине') внутренняя форма. Пословицы же с более выраженной метафоризацией образующих паремическое высказывание лексических компонентов характеризуются заметными дискурсивными смысловыми приращениями. Например, пословица *Всяк кулик своё болото хвалит* в контексте диалога персонажей художественного произведения О. Смирнова «Взрослые дети» обретает несколько иное значение: *Ты, Иван Григорьевич, вижу, неплохой человек... И специальность у тебя хорошая, благородная. Хирург! Но, – Полуянов поднял узловатый, слабо гнущийся палец, – скажу тебе: с шахтёром не сравнишься! Иван Григорьевич с улыбкой развёл*

руками, а Феоктистов сказал: – Чего, Дмитрий, расхваливаешься? Ты прямо по поговорке: всяк кулик своё болото хвалит (http://poslovic.net/news/vsjak_kulik_svoe_boloto_khvalit/2011-10-12-80. Дата обращения 21.09.2015).

Афористическое обобщённое значение 'каждый человек хвалит место своего рождения другим людям' под влиянием прагматического фона дискурса обретает референциальные признаки 'профессионал', 'специалист', отчего смысловое контекстуальное приращение и прочитывается как 'человек ставит свою профессию выше других в общей профессиональной иерархии'. Следует отметить, что смысловой переход «Родина» – «Профессия», родившийся в условиях контекста произведения, иного свойства, чем метафорический перенос в его традиционном понимании. Это переосмысление, происходящее под направленным влиянием **дискурсивной интенции – исходной прагматической потребности дискурсивной среды**, использующей прецедентный потенциал народного афоризма. В ходе данного переосмысления формируется оценочный смысл, – 'хвастаться профессией нехорошо', – весьма далёкий от исходной ценности «Родина».

Как мы видим из приведённых примеров, модели ценностной репрезентации посредством паремии зависят от характера реализации её многоуровневой семантической структуры в условиях доминирования той или иной дискурсивной интенции, а **ценностное моделирование** есть не что иное, как **процесс кристаллизации содержания ценностного концепта в условиях мотивированности афористического значения исходной внутренней формой высказывания и актуализации обобщённого значения паремии под влиянием дискурсивной интенции**. Уникальность же паремии как текста культуры при этом заключается не только в её способности сохранять и транслировать этнокультурные стереотипы в качестве доминант культурной памяти, но и в функции порождения ценностных смыслов в условиях дискурса различной функционально-стилевой окрашенности и коммуникативной организации.

Стратификация ценностей в аспекте их лингвокогнитивной сущности

Ещё одной проблемной зоной ценностной паремической репрезентации является неоднозначность подхода к стратификации ценностей, репрезентированных паремиями. Большей частью, классификация ценностей основана на их тематической отнесённости. Примером тому

являются исследования Луизы Каримовны Байрамовой, которая выделяет более десяти групп ценностей в соответствии с денотативной сферой их характеристики (Байрамова, 2014, т. 1, с. 3). Вместе с тем, для характеристики ценностной составляющей паремической семантики важно учитывать сложные интегративные процессы, протекающие, в том числе, в аксиосфере конкретной паремии и национального паремического пространства в целом. При этом кажется весьма продуктивным подход к ценности, объективируемой паремией, как к когнитивной единице особого рода, тем более, что современный лингвокогнитивный подход в решении спорных вопросов лингвосемиотического статуса допускает весьма широкое толкование когнитивной единицы (Алефиренко – Корина, 2011, с. 12).

Соответственно, в качестве соответствующего целям реализации задач когнитивно-дискурсивного моделирования ценностного аспекта паремической семантики мы предлагаем подход к определению **ценности, объективируемой в языке посредством единиц косвенно-производной номинации** (в том числе паремий), **как фреймовой структуры, образуемой в ходе когнитивной интеграции тексто-порождающих концептов и слотов фреймов в основании паремического значения**. С учётом особенностей механизма когнитивной интеграции и степени участия в нём параметров «прагматического фона» (стереотипная установка и прагматическая рекомендация) предлагается выделение следующих групп ценностей как фреймовых структур:

1) безусловные (репрезентируемые как конгломераты концептов с соответствующими денотатами, традиционно получившие высокую оценку в обществе): «Труд/Созидание» – *Кто от своего труда питается, тот каждый день причащается*; «Семья/Поддержка» – *Вся семья вместе, так и душа на месте*; «Здоровье/Удача» – *Главное – здоровье, а дела как погода: то вёдро, то ненастье* и т. д.;

2) «прагматические ориентиры» (стереотипы, следование которым приводит к достижению безусловных ценностей): «Дружба/Верность» – *Добрый друг лучше ста родственников*; «Любовь/Преданность» – *Любовь и малое принимает за великое*; «Выручка/Жертвенность» – *Другого выручишь – себя выучишь* и т. д.;

3) «стереотипы действия» (стереотипы, осознание которых способствует успешной жизни и для выделения которых не требуется согласия всех членов социума, причём само их выделение возможно при осмыслении ключевых мировоззренческих установок этнокультуры, репрезентируемых в афористической форме): «Вера в чудо/Реальность» – *Не родит верба груши*; «Зависть как двигатель

прогресса/Гордость» – *Лучше быть у других в зависти, нежели в жалости*; «Наивность/Познание» – *Пытливому наивность прощительна* и т. д.

Представленный список не является законченным, поскольку при обозначенном подходе он может быть расширен в соответствии с комплексом исследовательских задач, взятых на вооружение в конкретном случае.

Предлагаемый подход к стратификации ценностей основан на понимании ценности как специфической фреймовой конфигурации, что согласуется с той частью теории фрейма, в рамках которой фреймовая структура признаётся основным способом представленности «признаков, ценностей, структурных инвариантов» (Barsalou, 1992, s. 23), то есть определяется не только как разновидность когнитивной единицы, а как способ, механизм категоризации действительности. Соответственно, ценность рассматривается нами в ряду речемыслительных элементов, «структурирующихся фреймами и когнитивными моделями» (Fauconnier, 1994, s. 27).

В соответствии с изложенным пониманием фреймовой природы ценности, исследуемый ценностно-репрезентативный потенциал пословиц обусловлен тем, что данная разновидность паремий репрезентирует ценности в их содержательном аспекте и, что особо важно, с дополнительной оценкой, в которой выражено отношение к данной ценности, уже собственно приводящее нас к рекомендации, выраженной в паремии. Например, *Новая ложка – с полочки на полочку, а состарится – по подлавочью повалится*: репрезентированные ценности «Новый/Молодой» в аспекте оценки 'дорог, потому бережётся и демонстрируется', и «Уважение» в аспекте оценки 'неуважительно по отношению к старшим'. Когнитивное основание пословицы – поликонцептуальное образование, вследствие чего в её тексте репрезентируется более чем одна ценность, причём, как видно из рассмотренного примера, с оценками различной полярности: 'молодой/новый – это хорошо, но не уважать старое/долго прослужившее – плохо'.

Поликонцептуальность текста пословицы вполне согласуется с композиционностью её семантической структуры и выявляется при анализе пропозиционной основы высказывания, основанном на принципе его дискурсивной детерминации как обусловленности интенциями говорящего. Собственно дискурсивная интенция и позволяет реализовываться смысловой полифонии пословицы даже при рассмотрении её значения вне дискурса. Например, *Бараньего лба и обухом не перешибь*: композиционность семантики данной пословицы обусловлена

её свойствами «свёрнутого» текста, в котором сохранены событийные актанты – *не перешибёшь* (предикативная доминанта) и *бараний лоб* (объектно-номинативная доминанта).

Соответственно, концептуальная основа данного текста формируется с учётом, как минимум, двух пропозитивных топиков: характеристики лица, на которое направлено действие (механизм концептуализации основан на кристаллизации содержательных признаков 'упрямство', 'врождённый/исконный', 'не поддающийся влиянию', 'не слушающий доводов разума' и т. д.: концепт «Неуправляемое своеволие») и характеристики действия (содержательные признаки 'сопротивление чьей-то воле', 'чужое мнение', 'перевоспитание', 'воздействие' и т. д.: концепт «Невозможность переубеждения»). Нельзя сбрасывать со счетов и пропозицию *обухом не перешибёшь*, на основе которой в концептуальное основание значения интегрируется фрейм «Судьба» в части слота с собственно ценностным содержанием – «Иерархия силы».

Интересный ценностный ракурс возникает при сопоставлении данной пословицы с более частотной в современной речевой практике паремией *Плетью обуха не перешибёшь*. В данной пословице пропозиция *обуха не перешибёшь* вряд ли может быть выделена – более адекватным выглядит следующее пропозиционное членение: *плетью обуха* ('слабым сильное') и *плетью не перешибёшь* ('напрасное усилие'). При кажущейся сходной выделенности доминантной ценности «Иерархия силы» в первой пословице стереотипичным посылом является убеждённость в неравнозначности 'силы духа/характера' и 'физической силы', в то время как во второй пословице стереотипична убеждённость в 'бесполезности сопротивления слабого'.

Соответственно, в выражении ментального стереотипа как транслируемого пословицей образца оценки ситуации ценность «Иерархия силы», сохраняя свою безусловную содержательную монолитность, задаёт фокус различным прагматическим рекомендациям. Данное явление, на наш взгляд, свидетельствует не столько о поликонцептуальности как об источнике смысловой полифонии, возникающей при использовании пословиц в речи, сколько о вполне самостоятельном когнитивном статусе **паремической ценности** как некоей **когнитивной единицы интегративного характера, содержательно определяемой фреймом пословицы**. Соответственно, репрезентированная паремией ценность в качестве когнитивной единицы может рассматриваться не только в одном ряду с такими лингвоментальными образованиями, как концепт, фрейм, сценарий и т. д., но и в комплексном анализе

элементов собственно национальной культуры, к числу которых относится стереотип.

Ещё классики этнологии и этнопсихологии К. Клакхон и Ф. Стродбек подчёркивали значение ценностей как принципов, которые придают стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности при решении общечеловеческих проблем (Kluckhohn – Strodtbeck, 1961, с. 48). Данная когнитивная функция ценности, вне сомнения, не может оставаться в стороне при определении приоритетов современного лингвокогнитивного подхода к моделированию паремической семантики. Тем не менее, при всей продуктивности последнего, остаётся актуальным ряд вопросов методологического характера, затрудняющих выделение и параметризацию когнитивных единиц и связанных, в том числе, с определённой терминологической тавтологией в аспекте номинации когнитивных единиц. В современных лингвокогнитивных исследованиях когнитивные единицы (в нашем понимании – лингвоментальные единицы, актуализирующиеся в соответствии с доминантами этноязыкового сознания и структурирующиеся непосредственно в процессе вербализации), которые характеризуются выраженным аксиологическим содержанием, в ходе анализа получают различные терминологические обозначения: «концепт», «ценностный концепт», «ценность», «фрейм», «фразеологический концепт», «лингвокультурный концепт» и т. д. – выбор термина обуславливается, как правило, задачами и материалом анализа. Нас же заинтересовал тот аспект лингвокогнитивного моделирования паремической семантики, при котором ценность рассматривается не как особый вид концепта, а с позиции признания её самостоятельного когнитивного статуса – статуса когнитивной единицы с более «подвижной» структурой, нежели у фрейма (с его логически трактуемыми связками между слотами), и с условной трактовкой содержания (в отличие от концепта, который объективно осмысливается носителями языка).

Данная позиция обусловлена вовсе не стремлением оспорить статус универсального когнитивного термина, уже достаточно давно присвоенный «концепту», а попыткой осмыслить саму природу ценности – понятия столь часто упоминаемого, сколь и до сих пор недостаточно описанного. Эта недостаточность выражается и в явной взаимоопределяемости категорий «ценность» и «оценка», что приводит к весьма неоднозначному их разграничению, и в реальной сложности построения оппозиций «национальные ценности» и «общечеловеческие ценности» (слишком много совпадений и субъективных факторов), и в неясности механизма присвоения той или иной лингвоментальной категории

статуса ценности в условиях субъективности, условности и противоречивости в оценке культурно значимых фактов и явлений.

Когнитивно-дискурсивный аспект определения ценности как фактора лингвопрагматики

В поиске объективного содержания категории «ценность», отличающего её от других когнитивных и лингвокогнитивных единиц, на наш взгляд, определяющим может стать прагматический фактор. Действительно, у ценности нет исходной объективности хотя бы потому, что сам факт её значимости устанавливается в условиях определённых этнокультурных, социальных и исторических реалий, равно как и при доминировании некоей мировоззренческой позиции с одновременным «оппозиционным» по отношению к ней фоном. Например, *Дешева рыбка – горька уха*, но *Дорого, да любо – дешёво – да грубо*. Вообще ценность «Дорогостоящий» – одна из самых противоречивых в оценке, а в антитезе «Дорого – Дёшево» взаимоотрицание сопровождается и взаимозаменой: *Дорогое лежит, а дешёвое бежит* – дешёвое, доступное ценится людьми выше дорогого – того, что для немногих, хотя все знают, что *Дёшево хорошо не бывает*, тем более что *То и дешёво, чего не надо, а что нужно, то дорого*.

Все отмеченные сложности в случае с паремической семантикой обращаются, как ни странно, «функциональными плюсами» – паремии, в отличие от любых искусственно созданных афоризмов лозунговой природы, имеют исключительную силу убеждения, причина которой не в реализации средств агрессивного вербального воздействия, а в выраженности в паремическом значении глубинной сущности компромиссной народной морали. Ведь для пословиц, как правило, нет однозначного толкования, которое ограничивало бы их использование тем или иным контекстом, – даже при максимально прозрачно выраженной внутренней форме пословица реализует объёмное представление о жизни как явлении, нуждающемся в многополярной оценке. Соответственно, ценность для пословицы – объект когнитивно-прагматического моделирования, то внутреннее содержание морали, которое и нужно пронести через века, сохранить в условиях меняющихся мировоззренческих установок, а затем, в зависимости от потребностей культуры, провозгласить как ценностный ориентир в культурной деятельности. Отсюда и невозможность однозначной оценки для ценностей и «антиценностей», и склонность к компромиссу в самых, казалось бы, принципиальных

вопросах культуры, и высокая степень толерантности в догматичных на первый взгляд высказываниях.

Например, *Дитя не плачет – мать не понимает* – в данной пословице афористическое значение 'о проблемах самочувствия маленького ребёнка невозможно догадаться, пока он не заплачет', актуализированное прозрачной внутренней формой, реализуется в обобщённом (свободном от денотативной привязки) значении 'понимание не наступает, если нет взаимодействия'. И в подобном семантическом ракурсе пословица может включаться в обсуждение самого широкого круга ситуаций. Так, в статье, размещённой на информационно-аналитическом портале «Республика», говорится: «Созданное в Казахстане полтора месяца назад госагентство по защите прав потребителей всё ещё не имеет руководителя, а потребительская грамотность для большинства казахстанцев по-прежнему остаётся чем-то далёким. Тем временем не умеющие отстаивать свои права потребители не только сами становятся жертвами, но и подвергают опасности жизнь и здоровье родных и близких. Об этом и многом другом рассказала глава национальной лиги потребителей Казахстана, депутат мажилиса Светлана Романовская.... Все говорят, что надо улучшать качество жизни, но и здесь от нас, граждан, многое зависит. Говорят, мол, дитя не плачет – мать не понимает. До тех пор, пока мы не начнём отстаивать свои права, менять жизнь к лучшему, ничего не изменится» (<http://www.respublika-kaz.info/news/society/34629/> Дата обращения 14.10.2015). В приведённом контексте обобщённое значение пословицы реализуется в прагматически обусловленном смысле 'не начнём озвучивать проблемы – не наступит улучшение жизни'.

В контексте художественного текста данная пословица обретает несколько иное звучание: «*Ты попробуй [просить денег] – без просьбы нельзя же: дитя не плачет, мать не понимает... Ну-ка попробуй*» (Мельников-Печерский «В лесах»). Здесь реализован прагматически обусловленный смысл 'переступи через гордость – попроси'. Или «*А там, в управлении, откуда им знать – готов Щукотько к перевозке или не готов? Дитя не плачет, мать не понимает... Теперь он шумел, торопил, сам к баржам ездил, но всё напрасно: суда стоят, и нет им ходу по такой малой воде*» (В. Колыхалов «Дикие побеги») (<http://www.poskart.ru/matj-ne-razumeet.html> Дата обращения 14.10.2015) – смысл высказывания может быть интерпретирован следующим образом: 'дело само с места не сдвинется – действуй'.

Таким образом, в ходе моделирования прагматического смысла высказывания обнаруживается, что при всём разнообразии дискурсивной

интенции, которая способствует реализации обобщённого значения пословицы в конкретном смысловом ракурсе, неизбежной остаётся стереотипная оценка ценности «Демонстрация потребностей другим людям с надеждой на понимание и помощь». Данная ценность находится в русле исконной традиции русской толерантности как открытости к другим, подразумевающей, в свою очередь, готовность к восприятию потребностей других людей.

Таким образом, ценностная составляющая паремической семантики – это важнейший ориентир для раскодировки её этнокультурной значимости, поскольку, выступая в качестве традиционного ретранслятора норм и основ общественной морали, народные афоризмы не просто внедряют в сознание каждого нового поколения стереотипные представления о важных для культуры нравственных доминантах, но и позволяют удостовериться в практической значимости той или иной ценности, раскрывая её утилитарную, философскую, религиозную и иные составляющие в пространстве паремического дискурса. При этом алгоритм ценностной репрезентации посредством паремии обусловлен многоуровневостью её смысловой организации и тесной связью между внутренней формой высказывания, афористическим значением и дискурсивной актуализацией значения в определённом смысловом ракурсе, который непосредственно зависит от прагматической функции паремии, реализуемой в каждом конкретном речевом акте.

Заключение

Рассмотренный комплекс проблемных вопросов описания ценностного аспекта семантики пословиц, вне сомнения, не исчерпывает весь спектр проблем исследования ценностно-смыслового пространства паремииологии. Важным кажется акцент на необходимость выделения исследований аксиосферы паремий из уже основательно разработанного русла сопоставительных исследований, цель которых заключается в выявлении национально специфических явлений и тенденций в семантике знаков косвенно-производной номинации, – выделения с последующей существенной теоретической проработкой аспектов лингвосемозиса паремий как дискурсивных знаков, реализующих множество потенциалов, связанных с моделированием и репрезентацией аксиосферы культуры.

Помимо рассмотренных в статье аспектов когнитивно-дискурсивного моделирования ценностной составляющей семантики паремий, в числе актуальных вопросов видятся и (1) разработка репрезентативного терминологического аппарата, который позволил бы избегать научной

тавтологии и смешения задач различных направлений современной лингвистики, и (2) уточнение лингвокогнитивного и лингвопрагматического статуса ценности применительно к семантике других паремических жанров (поговорок, устойчивых сравнений, примет, загадок и др.), а также ряд вопросов методологического характера, решение которых позволило бы более последовательно разграничивать и интерпретировать категории языка, сознания и лингвокультуры.

В целом же, проблема ценностной репрезентации в пространстве паремической семантики видится актуальной как в русле развития тенденций постмодернизма в современной лингвистике, так и в части решения задач классической семантики и лингвосемиотики.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: *Смысл как лингвофилософский феномен*. In: Вестник ТомГУ. Сер. Философия, Томск Вестник ТомГУ. Сер. Философия. 2013, 1, 21, с. 5 – 14. ISSN 1998-6645.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: *Ценностно-смысловая парадигма слова*. In: Acta Rossica Turnaviensia. Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире, роџ. 21, џ. 1, 2014. Brno: Tribun EU, 2014, с. 6 – 17. ISSN 2310-4287.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА, Н. Б.: *Проблемы когнитивной лингвистики*. Nitra: UKF, 2011, 216 s. ISBN 978-80-8094-987-7.
- БАЙРАМОВА, Л. К.: *Бедность как антиценность и ценность... – Богатство как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков*. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. 220 + 260 (480) с. ISBN 978-5-93962-627-9.
- БОЛОТИНА, М. А. – ШАБАШЕВА, Е. А.: *Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями*. In: Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2, 2013, с. 21 – 28. ISSN 2223-2095.
- ГАЛЛО, Ян: *К проблеме лингвосемантической специфики интертекстуальности*. In: Opera Slavica: Slavistické rozhledy, роџ. 22, 2012, suppl. 1, s. 29 – 35. ISSN1211-7676.
- ДАЛЬ, В. И.: *Пословицы русского народа*. Москва: Эксмо-ННН, 2005. 616 с. ISBN 5-699-03454-4.
- КОРИНА, Н.Б. и колл.: *Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка*. Nitra: UKF, 2014. 204 с. ISBN 978-80-558-0702-7.
- МОКИЕНКО, В. М. – НИКИТИНА, Т. Г. – НИКОЛАЕВА, Е. К.: *Большой словарь русских пословиц*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с. ISBN 978-5-373-03250-6.
- СЕМЕНЕНКО, Н. Н.: *Русские паремии: функции, семантика, прагматика*: Монография. Старый Оскол: ПОСА, 2011. 355 с. ISBN 978-5-903659-83-8.

- СЕРЕБРЕННИКОВА, Е. Ф.: Введение. In: *Лингвистика и аксиология: этнометриология ценностных смыслов*: коллективная монография. Москва: ТЕЗАУРУС, 2011, с. 3 – 6. ISBN 978-5-98421-117-8.
- BARSALOU, L. W.: Frames, Concepts and conceptual fields. In: *Frames, Fields and Contrasts*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum associates publishers, 1992, pp. 21-73. ISBN 0-8058-1089-7.
- KLUCKHOHN, Florence R. – STRODTBECK, Fred L.: *Variations in value orientations*. Oxford, England: Row, Peterson, 1961. 450 p. No ISBN.
- SOKOLOVÁ, Jana: *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra: UKF, 2012. 144 s. ISBN 978-80-558-0156-8.
- FAUCONNIER, G.: *Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p. ISBN 978-05-214-4499-6.

ON THE MARGIN OF GENRE TYPOLOGY OR THE HIDDEN PIONEER OF RUSSIAN SCIENCE FICTION (FADDEY BULGARIN)

Ivo Pospíšil

Abstract: The contemporary science fiction has quite a complicated typology including the so-called prose of virtual authenticity and existential uncertainty which is commented upon in the first part of this study (Ludvík Souček). We sometimes forget that science fiction is not just a British, American or French invention and that the greatest poetological experiments in this field are closely connected with some other national literatures, not only Romance, but also Slavonic. Among them the most prominent place belongs to Russians. The works by Ivan Yefremov, the brothers Strugatsky, and Alexander Kazantsev became world famous, not speaking about Russian by birth Isaac Asimov. This literature had its predecessors as early as 18th century and the beginning of the 19th century. One of the pioneers – besides Vladimir Odoevsky or Osip Senkovsky – was Faddey Venediktovich Bulgarin/Tadeusz Bułharyn (1789-1859). He belongs to the stream going from utopian models to bitter dystopian analysis of the future reminding us more or less of the satirical vision of the world. He was an initiator of a new model of science fiction, created a specific genre form of the skaz or the skaz short story, a special narrative structure based on the first-person story with an elaborate, highly individual language, and formed a specific genre form called the “moral-satirical novel” (нравственно-сатирический роман) and presented it in the best form in his *Ivan Vyzhigin* (1829) and in its not very successful continuation *Peter Ivanovich Vyzhigin* (1831). The kernel of Bulgarin's science fiction short stories is the didactic style, rather a weak story/plot construction, the genre character of preaching which represents the rest of utopian models in contrast to post-romantic irony, a sarcasm leading to a more frustrating picture of the world. This model moving from the technological position towards the general social and existential skepticism of dystopia which slowly and slightly arose in Bulgarin's prose fragments prevailed in Russian science fiction in the course of the whole 20th century and also remained the dominant paradigm in the 21st century.

Key Words: typology of science fiction, literature of virtual authenticity and existential uncertainty, Russian science fiction, Faddey Bulgarin, science fiction short stories, utopia, technological science fiction and skeptical dystopia, Bulgarin's social conceptions and the third estate, his anticipation of Russian 20th- and 21st-centuries dystopia

The problem of science fiction regardless of other things consists in the misunderstanding of the vision of the technological future expressed in it or by it. The legend repeated a hundred times to become true concerned, for example, Jules Verne. Now we obviously know how nearly everything so to

speak predicted in his novels has already been at least partly realized in practice or is being prepared for the realization: submarines, aircraft heavier than the air, long-range cannons etc. We sometimes forget that science fiction is not just a British, American or French invention and that the greatest poetological experiments in this field are closely connected with some other national literatures, not only Romance, but also Slavonic. Among them the most prominent place belongs to Russians. The works by Ivan Yefremov, the brothers Strugatsky, and Alexander Kazantsev became world famous, not speaking about Russian by birth Isaac Asimov. This literature had its predecessors as early as the 18th century and the beginning of the 19th century. One of the pioneers – besides Vladimir Odoevsky or Osip Senkovsky – was Faddey Venediktovich Bulgarin/Tadeusz Bułharyn (born 1789, manor Pyraszewo of the Minsk Province of the Lithuanian Duch – died 1859, manor Karlovo u Dorpat/Derpt/Jurjev, now Tartu in Estonia).

The development of utopian literature, then science fiction and dystopian novel led to the rise of a specific kind of literature which I once called “the literature of the virtual authenticity and existential uncertainty”.

The second half of the 20th century in the theory and history of literature signaled a radical turnover towards mass culture, mass literature or – in German – *Trivialliteratur* supported by postmodernism with its cult of intertextuality and metaliterature, quotations, reminiscences, allusions, palimpsests, retrospections. Postmodernism itself has always been connected both with the layers of “great literature” and parasitizing motifs and themes which helped us better understand that the poetics of postmodernism has been traditionally associated with intertextuality, relativisation of original values, uncertainty and ambiguity. These qualities seem to be the product of the aggressive cultural impact which influences both literature and literary criticism. Uncertainty and ambivalence are basic features of postmodernist approach to the world. If we understand alternative poetics and its models as a natural basis of triviality there are quite clear points of contact with postmodernism. It is characteristic that the alternative models of literary art appear on the boundary of fiction and nonfiction, in quite a wide zone of the so-called literature of the fact or documentary creations in which it is not evident what is reality and what is fiction. *Erinnerungen an die Zukunft* (1967) by Erich von Däniken were the first signal of this wave. The world is understood as a chain of stories which have approximately the same communicative value; they are not separated from each other forming one entity: the alliance of nonfiction, fiction and postmodernist feeling returned marginalized works of art and artefacts at random into the very core of the literary process and

to the top of poetological machinery. This gave rise to possibly the strongest stream in the 21st-century world literature which I called the “prose of virtual authenticity and existential uncertainty”.

First of all it is inevitable to demonstrate genre boundaries: they are not identical with the type of fiction which arose in the U.S.A. under the label “fantasy”, though its roots are similar consisting in the 18th-century sensibility in sentimentalism and preromanticism which integrated much older traditions going back to magic and mythology. This, as it seems, inexhaustible well from time to time produces newly constructed works with innovative poetics, so these regular or “eternal” returns to magic and mythology do not seem to be surprising; what surprises us most is the fact that we have to discover these poetic strata again and again. Together with these works there are images and concepts as if in the past of mankind, or rather mankind, where we can find some mysterious events of cataclysmic character, horrible enigmas from the existence of other mankind which were preserved in the memory of contemporary mankind in the form of myths, apocalyptic visions, as if from the lower layers and archetypal patterns. The most remarkable fact is that these works meet the already prepared basis of human consciousness: the popularity of Erich von Däniken, John Ronald Reuel Tolkien, Joanne Rowling, Dan Brown and tens of others is striking enough. The alternative history of mankind formed new genres and genres groupings from the same cradle: utopias and science fiction.

Speaking about the typology of the so-called science fiction, we can see that it is quite complicated and that the new types of this literature are very often from the 18th and 19th centuries, some of them from the 20th century. While in the beginning there stood just utopias as projections of contemporary images and concepts in the remote future, later supported by more and more technical and technological details based on the concept of technological civilization and accompanied by a dystopian picture of the future, especially towards the end of the 19th and the first half of the 20th century. The already mentioned enigmatic mythological and magical literature is rather the child of the second half of the 20th century and the first years of the 21st century.

Let us unfold the yarn of this media success from the work of John Ronald Reuel Tolkien (1892-1973), Professor of Anglo-Saxon at Oxford in the years 1925 – 1945 and English language and literature at the same university up to 1959. One of his remarkable quotations is that the so-called artificial languages, such as volapük, esperanto, ido, novila etc., are dead, more dead than the languages of Antiquity because there are no legends composed in them. J. K. Rowling (born 1965 in Bristol suburbs) studied French and classical

philology in Exeter. Her first novel with Harry Potter called *Harry Potter and the Philosopher's Stone* (in the USA as *Harry Potter and the Sorcerer's Stone*) initiated the boom of the whole Harry Potter series, especially in the U.S.A., which is extremely important because the American market has always had a decisive role supported by producing their film versions, e.g. *Harry Potter and the Chamber of Secrets* (1998), *Harry Potter and the Goblet of Fire* (2000), *Fantastic Beasts and Where to Find Them* (2001), *Harry Potter and the Order of the Phoenix* (2003), *Harry Potter and the Half-Blood Prince* (2005).

The third of them, the American Dan Brown (born 1964), author of several famous novels, became so significant that even a high representative of France tried to influence the casting of the film version of his novel *Da Vinci Code*. The trial with Michael Baigent and Richard Leigh paradoxically helped him a great deal popularize himself and his work.

The works of the mentioned type might be regarded as a result of the big genre transformation which started in the core of 20th-century literature. My thesis is based on the presupposition that this literature came into existence through the synthesis of several literary genres and genre groupings in which there is a certain release of tension between fact and fiction. This is their main innovative potential, while the narrative techniques, style and poetics are more or less a synthesis of traditional or traditionalistic approaches.

As it was demonstrated, the new things in literature which come into being through the process of total genre transformation cannot be branded new, they might represent just the slightest shifts of emphasis and throw light on certain objects in a different way. The elementary feature of these genres of virtual authenticity is the already mentioned gradual release of tension between fact and fiction: the fact can become fiction and vice versa. Moreover, there is no big difference between documentary literature and belles lettres, everything oscillates around their boundaries, can become part of both.

The above mentioned works of Ivan Yefremov like *A Meeting over Tuscarora* (Встреча над Тускаророй, 1944), *At the Edge of Oikoumene/The Land of Foam/Great Arc* (На краю Ойкумены, 1949), probably at that time extremely popular communist utopia *Andromeda. A Space-Age Tale/Andromeda Nebula* (Туманность Андромеды, 1957), the controversial *Razor's Edge* (Лезвие бритвы, 1963) and *The Bull's Hour* (Час быка, 1970) in which the search for extraordinary human forces dominates as well as the fight of good and evil in cosmic dimensions. Yefremov strongly influenced all the Soviet science fiction (*научная фантастика*) and its tending towards philosophical conception of science fiction and its development from utopian to antiutopian or dystopian and warning positions (in Russian *роман-предостережение*).

Quite a lot of translations, also into English, made Yefremov one of the most famous Soviet authors of science fiction in the world. The predecessors of the genres of virtual authenticity and existential uncertainty were, paradoxically, his early short stories going back to the 1940s in which the alternative vision of human history was being interpreted though very carefully without the radical change of the narrative perspective. But his concept of uncertainty in relation to traditional explications of history, his ambivalence later became the basis of the prose of virtual authenticity. This type of literature was then continued by Erich von Däniken (*Erinnerungen an die Zukunft*, 1967, translated into Czech by Ludvík Souček, 1969) and had its history of perception in the former socialist countries, Soviet satellites, in the so-called period of thaw (Pospíšil, 2007).

The way leading from von Däniken to Souček seems to be straightforward, but it is not true. Unlike the agile Swiss he oriented his work on two streams. The one consists in the popularization of science fiction subjects, the other in the creation of belles lettres, a practical realization of virtual authenticity, sometimes he tries to permeate both tendencies. His attempt at the formation of this type of literature was connected with the trilogy going back to the 1960s – *The Way of Blind Birds* (*Cesta slepých ptáků*, 1964), *Runa Rider* (1967), *The Sun Lake* (*Sluneční jezero*, 1968), as a whole published in 1989. Even more interesting is his novella *The Case of the Hound of the Baskervilles* (*Případ baskervillského psa*, 1972, later in the publishing houses Mladá fronta, 1990, and Baronet, 2003) in which he demonstrated the famous novel as a specific code hiding the visit of extraterrestrial beings. The novella is based on the “close reading” of A. Conan Doyle’s novel and its elaborate textual analysis. “The virtual authenticity”, in the beginning understood as a fiction or a fabrication skillfully hides the facts more fantastic than the reality itself.

It is obvious that these genres in world science fiction go back to Howard Lovecraft (1890-1937). The literature he cultivated was at his time regarded as a pure entertainment without a touch of seriousness. The territory his life was connected with, New England, became a setting of his stories gradually published in *Weird Tales* in 1923.

In Czech literature this type of prose appears again continuing the domestic and German tradition of Jakub Arbes (1840 – 1914) and his “romantos” (the term of Jan Neruda) or Gustav Meyrink (1868 – 1932), e.g. some works by Michal Ajvaz (born 1949) and Miloš Urban (born 1967) linked to the English or British tradition and enriched by mythological forms giving birth

to a specific genre form of historical novel.¹ Though such literature seems to be rather escapist, it returns to a very deep strata of human culture as an intentional continuation.

The above-mentioned **Faddey Bulgarin** (1789–1859) belongs to the stream going from utopian models to bitter dystopian analysis of the future reminding us more or less of the satirical vision of the world. In Russian and I dare say even in world science fiction he occupies a special position. On the one hand it is associated with his human situation in the 19th-century Russian literary community: he was – later it was proved that justly – accused of collaboration with the Secret Office of His Imperial Majesty, i. e. with the Tsar's secret police. Therefore he was expelled from polite society, and this reputation persecuted him up to Soviet times. On the other hand, his poetic impulses for the works of Nicolai Gogol, Aleksey Remizov and Vasily Shukshin became generally recognized. For example, in the already classical *History of the Russian Novel* he is criticized as a meaningless second-rate author and this "meaninglessness" is being explicated on 10 pages of a bigger format. Faddey Bulgarin, a Pole by birth Tadeusz Bułharyn, is a writer belonging to both Polish and Russian literatures. His life was rather complicated, and I have tried to interpret his life and work in several studies published during the last nearly 30 years in Czech – the first article published in Slovakia was really pioneering at that time even if we take into account the Soviet Union and Russia (Pospíšil, 1988, 1993, 1998). His political conception and career were also rather crooked. After his father was sent to Siberian exile (he killed a Russian general), his mother with the little boy Faddey moved to Russia. When he became a professional soldier, there is evidence that he suffered from poverty: in Reval (now Tallinn in Estonia) he was seen begging for alms. He fought in the Russian army at the time when Russia was Napoleon's ally, then moved to Warsaw where he joined the French grande armée and participated in the fighting in Spain, France, and Germany, as a French officer he went with Napoleon to Russia in 1812 (Patriotic War), then in the famous battle at Bautzen, Germany, after Napoleon's defeat he came back to Russia where he was discriminated against as a French soldier though he protested arguing that at the time he joined the grande armée France was Russia's ally as mentioned above. In the 1810s he came closer to the future Decembrists, he got the copyright for Alexander Griboyedov's bitter comedy *Grief from Mind/Woe from Wit/Grief from Reason* (Горе от ума, 1824, paraphrased by the Nobel prize winner for literature Joseph Brodsky, 1940-1996, a Russian and

¹ In greater detail it is explicated in my article (see above): *Próza virtuální autenticity a existenciálního znejistění*. SPFFBU, 2007, X 10, Slavica Litteraria, pp. 5-20.

later also an American poet, in his essays called *On Grief and Reason*, 1994), thought out the term originally meant pejoratively – “Natural School”, in fact the early Russian realism in the 1830s-1840s, he is said to have cried “constitution, constitution” during the Decembrists’ uprising in 1825 in one of the Saint-Petersburg streets.

One of the non-Russian researchers confirmed that Bulgarin had his predecessors (Fyodor Emin, Nikolai Emin, Kheraskov), but was also original. But even he did not forget to belittle his importance: “He wrote novels and stories of morals and manners fancying himself the conscience of Russia; he wrote historical novels, seeing himself as the Walter Scott of Russia; he mass-produced literary critiques and feuilletons believing himself to be the Addison and Steele of Russia; and he wrote utopias, picturing himself as the great Russian visionary and idealist” (Vaslef, 1968, p. 36). In the end he, however, admits: “In his prime he was considered Russia’s greatest novelist (contrasted to Pushkin, Russia’s greatest poet) and was translated into every major European language” (Vaslef, 1968, p. 36). We could add that probably Pushkin himself felt Bulgarin’s competition trying to write novels too, but with little success.² The fact that Bulgarin inspired Gogol’s *Dead Souls* is generally recognized. (Alkire, 1969). His political opinions and his political language were probably most thoroughly studied by A. G. Altunjan (Altunjan, 1998).

Faddey Bulgarin, a frequent target of Pushkin’s epigrams in which he called him “Figlyarin” (in Russian „фигляр” means clown, jester, fool) and presented him in his “little tragedy” *Mozart and Salieri*, besides the already mentioned copyright of Alexander Griboedov’s bitter comedy and the invention of the term “natural school” contributed to the poetics of Russian literature in three following fields:

1. He was an initiator of a new model of science fiction.
2. He created a specific genre form of the skaz or the skaz short story, a special narrative structure based on the first-person story with an elaborate, highly individual language.
3. He formed a specific genre form called “moral-satirical novel” (нравственно-сатирический роман) and presented it in the best form in his *Ivan Vyzhigin* (1829) and in its not very successful continuation

² I. Pospíšil: Романная одержимость камердинера Александра Пушкина. *Zagadnienia Rodzajów Literackich*, 49, z. 1-2, 2006, pp. 5-22. ISSN 0084-4446. Pushkin wrote tens of novel incipits but rarely he realised his intentions; he seemed to have little talent for bigger prose works, he knew about it, and it might be possibly another cause of his hatred of Bulgarin which he expressed in several epigrams.

Peter Ivanovich Vyzhigin (1831). The connection “moral-satirical” for indicating the genre of *Ivan Vyzhigin* is not very surprising: the two parts function as complementary units. The tendency towards balance of lights and shades, poisonous sarcasms and the way to the good is a real basis of his novel. The picaresque principle evoking the criticism of social evils never finds itself in the sphere of total negation, the author always tries to search for positive characters and idyllic locality. His depiction of the nationally mixed area of Russia, Poland, Ukraine, and Byelorussia, the neoclassicist poetics of names (Gologordovskij, Milovidin, Vorovatin) and the elementary position of his work (idyll, the enlightenment conception of the moral growth of man) made Bulgarin one of the most important predecessors of Nicolai Gogol and his *Dead Souls* – though a lesser artist. Even the skaz short story is important for the understanding of the holistic grasp of Bulgarin’s personality and the innovative strata of Russian science fiction. He accentuates a healthy utilitarianism: the biggest enemy of morals is disintegration, disorder and neglect his hero meets in both Russia’s capitals and the province. The order, sets of rules, a careful optimism, a clear goal in life (though it were just a profit), consistent rationalism and goal-directed morals are the characteristic features of his positive characters. His life philosophy consisted in less philosophy and speculation, more in practical realistic depiction and common sense – his conception of society was connected with the domination of the third estate (merchants, craftsmen, artisans). He was in agreement with those Poles who thought of the formation of the big Slavonic Empire headed by Imperial Russia with the Poles as a formative factor of its policy, especially, foreign. He supported the modernization of Russia, the strengthening of the third estate – petty bourgeoisie, but he hated – for a Pole surprisingly – the nobility. This approach was also fully reflected in his numerous literary critiques, some of them were foresighted, e. g. his memoir essays on Griboedov and Karamzin.

Bulgarin wrote several artistic texts which could be named science fiction or have a similar nature: *The Probable Fictions or The Travels round the World in the 29th Century* (Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке, 1824), *Improbable Fictions or The Journey to the Centre of the Earth* (Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли, 1825), *A Scene from Private Life in 2028 A. D.* (Сцена из частной жизни в 2028 году, от рожд. Христова, 1828), *A Talk in the Kingdom of the Dead* (Разговор в царстве мёртвых, 1836), *The Travels of Mitrofanushka in the Moon* (Похождения

Митрофанушки на Луне, 1837), *The Journey to the Antipodes to the Curative Island* (Путешествие к антиподам на Целебный остров, 1842), *A Letter of an Inhabitant of the Comet Bely to the Inhabitants of the Earth* (Письмо жителя кометы Белы к жителям Земли, 1843), *A Letter of an Inhabitant of the Comet Bely to the Same Inhabitants of the Earth* (Письмо жителя кометы Белы к тому же самому жителю Земли, 1843). Though Bulgarin's work influenced a great deal the development and poetics of the Russian novel, the Russian short story (skaz) as well as the Russian utopian, dystopian and science fiction literature, the fate of his science fiction was the same: it was completely ignored, ostracized. Even the famous Czech anthology of Russian science fiction *The Magical Crystal* contains the short stories and novellas by Levshin, Ulybyshev, Küchelbecker/Кыухелбекер, Senkovsky, Odoevsky, and Sollogub, but not by Bulgarin though from the point of view of genre formation they were of crucial importance. The action of *The Improbable Fictions or the Journey to the Centre of the Earth* takes place in The New Land (the archipelago Novaya Zemlya in the Arctic Ocean) where the hero fell down to the underground divided into three spheres corresponding to Ignorance (Игноранция), Semi-Education (Скотония) and Erudition (Светония). In this short story Bulgarin is still in the captivity of moralizing tendencies and medieval-Baroque neo-classicist allegoricalness; on the contrary, in *Probable Fictions...* he tends towards moralistically framed technological science fiction. In the very beginning he quite openly refers to his inspiration, i. e. to the works by Louis Sébastien Mercier and Julius von Voss. During a boat ride from Petershof (Петергоф/Петродворец) the boat overturns, and the narrator finds himself in the 29th century in a Siberian empire with tropical climate. The narration is framed by the finding of a manuscript. In the capital Nadezhdin gold and silver are the most commonplace metals. The inhabitants destroyed all the forests so that wood was used as currency, people eat sea flora and fauna, houses are being built from moveable panels on cast iron skeletons, in the air there are aircrafts (аэростаты) flying with hundreds of passengers, pilots save their lives on parachutes, hydraulic cleaners make drinking water out of sea water, under the surface there are submarines. Only the university lectures have not changed much, but they are more understandable, educate students for the good and common sense: „Наконец профессор объявил мне, что он должен поспешать на лекцию в университет. Я просил его взять меня с собой, но, для избежания взоров любопытства, скрыть от всех, что я всеобщий дедушка или предок нынешнего поколения. Мы снова сели в ездовую машину и покатались обратно в город, проехав во всю его длину к противоположным городским воротам, и, миновав оные, остановились у крыльца великолепного и огромного здания, окружённого

ботаническим садом и зверинцем. Распределение факультетов было то же самое, что и в наше время, только науки имели свои собственные подразделения, которые в наше время показались бы смешными и странными. Например, в юридическом разряде перед науками законоведения и судопроизводства находились три новые разряда, а именно: добрая совесть, бескорыстие и человеколюбие. К философии прибавлены были здравый смысл, познание самого себя и смирение. В разряде исторических наук я заметил особенное отделение под заглавием: нравственная польза истории, а к статистике и географии прибавлено было отделение: достоверность показаний. В филологическом разряде первое место занимал отечественный язык. Особенная наука под названием: применение всех человеческих познаний к общему благу – составляла отдельный факультет. Вдруг раздался звук колокола, наступила тишина в собрании, а профессор здравого смысла взошёл на кафедру. Профессор говорил понятным для всех языком, излагал истины, близкие сердцу. Он говорил, что здравый рассудок повелевает безусловно повиноваться законам той земли, где мы живём; не осуждать опрометчиво поступков старших, во-первых, из снисхождения к человечеству, а во-вторых, потому, что мы, наблюдая действия, часто не знаем ни первой побудительной причины, ни цели. Он советовал судить о делах по следствиям, а не по началу и не по первым впечатлениям, приводя в пример спасительные лекарства, которые, действуя на тело, производят часто неприятные ощущения. Говорил, что общее благо граждан проистекает от стремления каждого в особенности к вспомоществованию ближним. Делать добро другим значит делать добро себе самому, потому что этим средством приобретается право на любовь и уважение других, а с сим вместе на их помощь.

После того мой хозяин, профессор, начал изъяснять археологию, и я удивился, когда он, вместо одних букв, чисел, часов и почерков, начал объяснять, по древним памятникам, степень гражданской образованности народов, их обычаи, нравы и критическими изъяснениями стал доказывать, чему должно подражать и что отвергать. Слава Богу, подумал я, что наконец сухая археология, удручавшая мою память и раздражавшая моё терпение, получила истинное своё направление.

Профессор кончил лекцию, и пока слушатели расходились по домам, он повёл меня в библиотеку. К большому моему удивлению, я здесь не нашёл сочинений, которым, в наше время, друзья сочинителей предсказывали в журналах бессмертие, а напротив того, увидел книги, о которых мало говорили, а ещё менее читали, занимающие здесь почётные места. Чтобы не трогать самолюбия моих современников, я вовсе умолчу

об их именах; скажу только, что я тщетно искал новых наших романтиков, наших нежных Парри и чувствительных Ламартинов (разумеется, подражателей) и всех сладкозвучных поэтов. С переменной вкуса переменялось понятие о прекрасном, и с преобразованием языка рассеялась условная прелесть: звучные слова, как пустое эхо, замолкли в воздухе, а картины исчезли, как тени при появлении солнечных лучей. Остались только возвышенность мысли, сила чувствований, глубокое познание всегда неизменного сердца человеческого, просвещённая любовь к родине и великие истины природы; а сладкозвучная поэзия, составленная из одних слов и картин, разбилась, как старые гусли.³

Several episodes demystified the priority of Jules Verne: moveable panels are being transported by steam machines to various places, people use steam automobiles, the dissociated air (it is said to be invented in 1964) serves as gas for heating, every man has his own airreflector protecting him from outer dangers, an object reminding of a ball investigates sea depths, moveable machines bring goods home, the language of high society is Arabian. Brilliant is the depiction of a military operation where submachines shoot, and parachutists jump from aircraft. Regardless of his bright technological anticipation there are more or less hidden irony and sarcasm: the undercurrent is being formed by dystopia frequently anticipating bitter sarcasms of the end of the 19th century and the whole 20th century. The people of the 29th century are supposed to find out that French has a status of lingua franca – they prefer Arabian while French is of the same importance as Finnish in the 19th century (in Russian: *чухонский язык*). The description of the social etiquette is a tool of his social criticism: his open Enlightenment historical optimism disappears making way to pessimism, skepsis: people do not develop towards technological perfection and strict moral principles, but rather to imperfection and immorality. The mover of human history is the love of differentiation. Just the decorations change, outer movements, external factors: inside the positive picture of the technological world a new island of unrest, doubt and skepsis arises: the material world changed a lot, but the spiritual essence of man remained practically unchanged. He did not find even his own works in the libraries of the remote future, but also the so-called Romantic school he hated so much is not represented there. The fashionable (in Russian 19th-century literature) form of social dialogue (known from Odoevsky's *Russian Nights*, Turgenev's novels, especially those called "political" – *Smoke, Virgin Soil*) demonstrated in his *Scene from Private*

³ Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0040.shtml, 3. 7. 2015, 18:42.

Life: imperial Russia is evaluated as a successful great power though Bulgarin sees it rather in an idealized form as a challenge for future Tzars:

„Вельможа. *Не бойтесь: у нас в столице большие запасы русских вин. Но что делать с иностранцами, когда они предпочитают русские произведения всем прочим? Вы читали отчёт северных портовых таможен за прошлый 2027 год?*

Купец. *Без сомнения. Невзирая на множество суконных и полотняных фабрик, требования на русские сукна, тонкие полотна и батисты были так велики, что нельзя было их удовлетворить, и я опасаясь, чтобы недостаток товаров для вывоза не заставил иностранцев искать их далее.*

Помещик. *Какой вы трусливый! Ни одно государство в мире не может прокормить столько овец, как Россия в Сибири, и ни один народ не может свить столько льну и пеньки, как мы, в средней нашей полосе. Не подлежит спору и сомнению, что чем животное ближе к северу, тем шерсть его тоньше, мягче и, так сказать, пушистее, следовательно, наши тонкошёрстные породы овец и коз нигде не могут существовать, потому что нигде нет сибирских степей. Наши полотняные фабрики доведены до совершенства, а лён и пенька наши природные растения. Минеральные краски наши и наш червец (обыкн. мн. – общее название равнокрылых насекомых, насчитывающих в мировой фауне свыше 1600 видов. Некоторые виды червцов выделяют вещества, используемые в лакокрасочной промышленности (лаковый червец и кошениль, дающая красную краску – кармин) – прим. автора) предпочитают всем прочим. Не бойтесь: торговля в наших руках по натуре вещей. Например: где в состоянии выделывать такие шали, как в России?*

Купец. *О доброте наших товаров я не спорю – но мы не можем удовлетворять все требования, и вот это беспокоит меня.*

Вельможа. *Успокойтесь: фабрики и мануфактуры беспрестанно размножаются. А помните ли вы, сколько русских купеческих кораблей с грузом было в море в прошлом году?*

Купец. *В отчёте сказано, что кораблей, построенных в русских портах, принадлежащих природным русским, с русскими экипажами было во всех морях только 15 000.*

Вельможа. *Это не много.*

Помещик. *Да, в прошлом году было более.*

Инженер. *От того, что в нынешнем году употреблено было много купеческих кораблей для перевозки целых скал порфира (порфир – вулканическая горная порода, употребляемая как*

строительный материал – прим. автора) с острова Гохланда (Гогланд – остров в Финском заливе, принадлежавший Выборгской губернии (ныне Кингисеппский район Ленинградской области). В состав России вошёл в 1743 г. Поверхность острова целиком состоит из гранитных утёсов, покрытых сосновыми и еловыми лесами – прим. автора). *Эти корабли не вошли в счёт коммерческий.*

Помещик. *Как подумаешь, чего в России нет! Золото, серебро, платина, все грубые металлы, драгоценные камни, всего с избытком! Лучшие сукна, полотна, кожи...*

Вельможа. *Прибавьте: астраханский и грузинский шёлк, лучшие в мире шляпы, лучшие железные изделия, а хлеба, как говорится, хоть не ешь, вина хоть не пей!*

Купец. *Правда, всё свое, исключая пряных кореньев и аптекарских материалов, которых однако ж столько привозят на русских кораблях, что некуда их и девать.*

Помещик. *Счастливая Россия!*

Вельможа. *Счастливая от того, что мы, русские, умели воспользоваться нашим счастливым положением и все сокровища, тлевшие в недрах земли, исторгли нашим терпением, любовью к отечественному, прилежанием, учением, промышленностью. Пожалуй, если б мы не думали о завтрашнем дне, и кое-как жили, позволяя иностранцам брать у нас сырые материалы, и продавать нам выделанные, то мы навсегда остались бы у них в зависимости и были бы бедными.*

Придворный. *Всем этим мы обязаны всеобщему просвещению. Пока помещик, купец, ремесленник и крестьянин не знали богатства своего отечества и средств, как ими пользоваться, до тех пор они поневоле должны были оставлять сокровища под спудом.*

Купец. *Итак, да здравствует просвещение и промышленность!*

Вельможа. *Это здоровье надобно запить: подайте пенистого аксайского (произведённого в Аксайской – станице на Дону – прим. автора).*

Придворный. *Но вот наигрывают русскую кадрили: пойдёмте в залу.*

Купец. *Пойдёмте – я люблю эту пляску – во славу просвещения мы выпьем за ужином.*

Вельможа. *Очень хорошо.⁴*

More place for the third estates, for active, flexible, enterprising personalities: his Enlightenment optimism (education will lead not only to technological

⁴ Сцена из частной жизни, в 2028 году, от рожд. Христова. http://az.lib.ru/b/bulgarian_f_w/text_1828_scena_iz_zhizni-2028.shtml, 3. 7. 2015, 18:50.

progress, but also to the improvement of mankind, to a more mature stage in complexity) falls into the depth of satire and bitter sarcasm moving to the edge of dystopian skepticism. The kernel of Bulgarin's science fiction short stories is the didactic style, rather a weak story/plot construction, the genre character of preaching which represents the rest of utopian models in contrast to post-romantic irony, a sarcasm leading to a more frustrating picture of the world. This model moving from the technological position towards the general social and existential skepticism of dystopia which slowly and slightly arose in Bulgarin's prose fragments prevailed in Russian science fiction in the course of the whole 20th century and also remained the dominant paradigm in the 21st century.

LITERATURE

- ALKIRE, G. H.: *Gogol and Bulgarin's Ivan Vyzhigin*. In: *Slavic Review*, vol. 28, 2, 1969, pp. 289 – 296. ISSN 0037-6779.
- ALTUNJAN, A. G.: „*Политические мнения*“ *Фаддея Булгарина. Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I*. Москва: Издательство УРАО, 1998. ISBN 5-20400-143-3.
- GRANIN, Daniil: *Тринадцать ступенек*. Москва: Советский писатель, 1984. No ISBN.
- POKROVSKIJ, V. A.: *Проблема возникновения русского „нравственно-сатирического“ романа (О генезисе „Ивана Выжигина“)*. Leningrad: Akademija nauk SSSR, 1933. No ISBN.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Fadděj Bulgarin jako literární inspirátor*. In: *Biele miesta II*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Fakulta humanitných vied (katedra rusistiky), 1998, pp. 29 – 44. ISBN 80-8050-296-X.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Hořce ironická science fiction Fadděje Bulgarina*. In: *Svět literatury* 1993, 5, pp. 22 – 28. ISSN 0862-8440.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Problém autorského typu: Fadděj Bulgarin*. In: *Slavica Slovaca*, 1988, 4, pp. 366 – 384. ISSN 0037-6787.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Próza virtuální autenticity a existenciálního znejistění*. In: *Slavica Litteraria X* 10, 2007, pp. 5 – 20. ISSN 1212-1509.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Романная одержимость камердинера Александра Пушкина*. In: *Zagadnienia Rodzajów Literackich*, 49, z. 1-2, 2006, pp. 5 – 22. ISSN 0084-4446.
- VASLEF, Nicholas O.: *Bulgarin and the Development of the Russian Utopian Genre*. In: *The Slavic and East European Journal*, vol. XII, 1, 1968. ISSN 0037-6752.
- Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделении*. Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. Москва: Новое литературное обозрение, 1998. ISBN 5-86793-044-0.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗАРУБЕЖЬЕ

Евгений Евпак

SOME QUESTIONS REGARDING THE FUNCTIONING OF RUSSIAN LANGUAGE ABROAD

Abstract: The article raises questions regarding the study of the Russian Diaspora abroad from the linguistic point of view. Questions about the cultural and language adaptation of Russian expatriates are considered in the linguopersonological context, which has recently received a lot of attention in the works of the Siberian Linguopersonology representatives. The aim of the article is to explore both the personal and collective language area of the Russian expatriates living abroad. Observations presented in the article allow us to get a better idea of the factors that influence the communicative and language area in the “language personality” of Russian immigrants.

Keywords: expatriates, emigration, Russian language, linguopersonology, language situation.

В настоящей статье поднимаются вопросы, касающиеся исследования русского зарубежья в лингвистическом измерении. Вопросы культурной и языковой адаптации русских переселенцев рассматриваются в контексте лингвоперсонологического направления, которое получило широкое распространение в работах представителей Сибирской лингвоперсонологии. Цель работы заключается в попытке исследовать личностно-коллективное речевое пространство русских переселенцев в зарубежье. Представленные в статье наблюдения позволяют сформировать представление о том, какие факторы детерминируют коммуникативно-языковое пространство языковой личности русского переселенца.

Научный интерес к данной проблематике стимулируется непрекращающимися исследованиями в области эмигрантологии. Вместе с тем, как нам кажется, эмигрантский дискурс во всех своих проявлениях до сих пор остаётся малоизученным. Со стороны научного филологического сообщества обращается внимание к творческому наследию русских переселенцев; в литературоведении, например, акцентируется вопрос восприятия русской литературы зарубежья в странах Европы и Америки; изучается эмигрантский литературный дискурс. Методология нашего исследования вписывается в поле лингвоперсонологической гипотезы языка, сформулированной Н. Д. Голевым. Лингвоперсонологическая гипотеза языка обеспечивает базу для исследования вопросов корреляции

языковой системы и персонного ментально-психологического пространства. В направлении от «личности к языку» она формулируется тезисом: язык устроен так, а не иначе, ещё и потому, что он обслуживает разные типы языковой личности (ЯЛ). Продолжением этой формулировки в плане типологии ЯЛ как носителя языковой способности может послужить тезис о том, что многие оппозиции, противопоставляющие типы ЯЛ и варианты языковой способности, являются существенными для организации языковой системы. В направлении «от языка к личности» данная гипотеза может звучать так: все (многие) оппозиции, определяющие возникновение, развитие и существование языковой системы, имеют значимые (системообразующие) персонные проявления. Развивая эту корреляцию, Н. Д. Голев предлагает следующий тезис: чем большую возможность выбора язык предоставляет говорящим, тем более отчётливо проявляется его зависимость от персонного фактора, так как любой выбор неизбежно связан с интенциональностью и шире – с субъективностью. Вероятно, справедливо и обратное: сами оппозиции языка, предоставляющие (или допускающие) выбор, сформировались в языковой системе под воздействием разных потребностей, исходящих из стихийных представлений говорящих об их личном (персонном) удобстве (Голев, 2014, с. 6). В данной статье лингвоперсоналогическая проблематика рассматривается также сквозь призму языковой ситуации и конкретных коммуникативных ситуаций, которые определяют личностное и коллективное пространство языковой личности в иноязычном окружении.

Учёные-историки отмечают, что история переселения наших соотечественников, в результате чего за границей складывается русская диаспора, насчитывает несколько столетий, если учитывать вынужденное бегство за рубеж политических деятелей ещё в период средневековья и раннего Нового времени. В Петровскую эпоху к политическим мотивам отъезда за рубеж добавились религиозные. Процесс же экономических миграций, столь характерный для стран Центральной и Западной Европы, практически не затрагивал Россию до второй половины XIX в. С XVI – XVIII вв. до нас дошли сведения о русских переселенцах в дальние земли, в том числе в Америку, Китай, Африку, но подобные эмиграции были весьма незначительными по численности, вызывались зачастую не просто и не только экономическими причинами: одни чувствовали «зов дальних морей», другие бежали от злосчастия, ища на чужбине покоя или успехов. В конце XVIII в. русские переселенцы появились и в более близких европейских странах. Русские колонии в Европе возникали в курортных местах (на Ривьере, в Ницце, Баден-Бадене,

Висбадене, Сан-Ремо, Лидо и др.) и становились местами продолжительного проживания семей русской аристократии и иных состоятельных эмигрантов. В Галле, Марбурге, Йене, Лондоне, Цюрихе, Лейпциге, а также во многих университетских городах Франции обучались десятки молодых русских дворян. Именно потому сюда же устремились представители последующих волн эмиграции (после 1825 г., после 1863 – 1864 гг., а также после убийства Александра II и после 1917 г.) Иная картина начала складываться уже в ноябре 1917 г., когда политическая эмиграция из России приняла характер антисоветской, антибольшевистской, антикоммунистической. Эта эмиграция приняла массовый характер, её составили представители всех классов, сословий, положений и состояний (Пушкарёва, 2005, с. 149). Главным центром русской эмиграции стал Париж. В определённые периоды истории Франция даже была первым эмигрантским государством по количественному составу наших переселенцев (вторая четверть XIX в; после 1917 г.). Как отмечает В. Н. Бурлак, знакомство русских с Францией началось ещё в 1054 году, когда французский король Генрих I задумал жениться на русской княжне Анне Ярославне, будущей королеве, которая оставила на века память о своей жизни во Франции. Настоящее познание русскими Парижа началось в 1717 году, когда Пётр I подписал верительные грамоты первого русского посла во Франции. Во времена Петра I французский язык ещё не был так популярен в России, как в правление Екатерины II и в XIX веке. Но многие французские слова уже распространились в Российской империи: *батальон, гарнизон, марш, пароль, бастион, калибр, мортира* и т.д. В Петровском Морском уставе дано определение: «Флот есть слово французское. Сим словом разумеется множество судов водных вместе идущих, или стоящих, как воинских, так и купецких» (Бурлак, 2008, с. 11). Известно, что через французский языковой «фильтр» в русский язык проникло немалое количество европейских заимствований. Таким образом, французский язык оказал, пожалуй, самое сильное воздействие на будущие поколения русских переселенцев, в основном, конечно, на эмигрантов, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 г. Ведь в дореволюционной России практически каждый образованный человек владел французским или немецким языком. Поэтому в странах Западной Европы они в большинстве своём не испытывали языковой дезинтеграции. По статистике, с 1920 по 1939 г. в Париже и его пригородах осело более 45 тысяч эмигрантов из России. По-разному складывались судьбы этих людей. Одни стали знаменитыми на весь мир (И. Бунин, В. Набоков, И. Шмелёв и др.), другие лишь изредка упоминаются в истории Франции, третьи забыты и затеряны в прошлом (Бурлак, 2008, с.

351 – 352). Даже несмотря на иноязычное окружение и следование принципам языкового пуризма, русские переселенцы оставались верны французскому слову, так же как и традициям дореформенной орфографии. Ярким свидетельством тому служит эпистолярный наш соотечественников 50-х гг. XX в., более позднего времени – времени подведения итогов, времени языкового «взросления» русских эмигрантов. Это наиболее объективное свидетельство, репрезентирующее персонoproстранство эмигрантских дискурсивных практик. Иллюстрацией к сказанному будет отрывок из письма Г. В. Адамовича Р. Н. Гринбергу: «Дорогой Роман Николаевич. Шлю Софье Михайловне и Вам лучшие пожелания к Новому году. Приехал на праздники в Ниццу и хотел отсюда послать Вам «Комментарии». Но здесь нет переписчицы – и поэтому откладываю присылку до возвращения в Париж и в Англию. Простите за неаккуратность. Надеюсь, что Вас не очень подвожу. Рукопись будет у Вас между 15-20 января *au plus tard*. Крепко жму руку. Ваш Г. Адамович» (Коростелёв, 2008, с. 364). Иная языковая среда была представлена в славянских странах. Массовое переселение (эмиграция) русских в славянские земли происходило после распада Австро-Венгрии. Как проходила культурная и языковая адаптация наших соотечественников, мы рассмотрим на примере Чехословакии. Наиболее показательный период пребывания русских эмигрантов в Чехословакии приходится на 1919 – 1928 гг. Большая часть эмигрантов была сосредоточена в столице. Чехословацкая Прага в течение нескольких лет стала «кузницей кадров» для «будущей» России. Молодая Чехословацкая Республика была единственной страной в мире, которая столь целеустремлённо и последовательно формировала «свою» эмиграцию. «Чехословакия не только и не столько ограничивала доступ эмигрантам, отсеивая нежелательных, как это делали многие страны, но и приглашала желательных лиц. В Чехословакии они составляли четвёртую часть всей русской колонии. Эта особенность «русской Праги» восходит к перспективно задуманной и настойчиво осуществляемой русской политике Т. Г. Масарика, который относился к современной ему России весьма критически, однако высоко ценил её духовный и экономический потенциал, учитывая геополитическое положение Чехословакии, и роль России как гаранта независимого существования Чехословакии, которая была новым образованием на политической карте Европы Нового времени. У неё было много врагов, и внутренних (в частности, немецкое и венгерское меньшинства), и внешних, и мало заинтересованных и знающих защитников. Поэтому Чехословакия, по мнению Масарика, нуждалась в гарантиях и с Востока, и с Запада» (Савицкий, 1999, с. 49 – 50). Чехословацкая Прага была

задумана как крупный академический центр русских эмигрантов («русский Оксфорд»). Многие русские эмигранты окончили здесь учебные заведения. Их привлекала родственность славянских языков, доброжелательное отношение властей и местного населения в первые годы «русской акции», возможность получить среднее и высшее образование. Как пишет А. В. Чумаков, вице-председатель Союза российских соотечественников в Словакии, среди тех, кто оказался за границей, было немало молодых людей, ушедших на фронт добровольцами, когда им не было и семнадцати лет. Случалось, что из южных регионов России выезжали целые гимназии и военные училища с профессорским составом. Им предоставляли приют братские православные государства – Болгария, Румыния и Сербия. Там молодые люди из России могли окончить прерванное войной обучение, подлечить раны, полученные в боях. Получив там среднее образование, большинство из них приехало в Чехословакию. В то время в Праге открыли пять русских факультетов, где преподавали исключительно русские профессора, светила российской академической науки: Францев, Новгородцев, Н. О. Лосский, Лошаков, Спекторский, о. С. Булгаков, Кизеветтер, Вернадский, Гримм, Тимашев, Брунст, Чупров, Гурвич, Циммерман, Флоровский, П. Савицкий и др. В рамках проводимой тогда «Русской акции помощи» по предложению президента Чехословакии Т. Г. Масарика был создан специальный фонд («Фонд Масарика»). По всей вероятности, в этот фонд вошла часть средств из царской казны, захваченной чехословацкими легионерами в Казани, часть которой была вывезена через Сибирь, а также средства, выделенные чехословацким правительством, включая пожертвования частных лиц. Большую поддержку русским в Чехословакии оказывал в то время русофил, премьер-министр К. Крамарж. Он был женат на москвичке, урождённой Н. Н. Хлудовой. Из «Фонда Масарика» выплачивалось жалование профессуре, стипендии и пособия студентам (Чумаков, 2008, с. 17). Влиятельные лица в эмигрантских и чехословацких политических кругах вынашивали всевозможные планы по развитию русской академической Праги. В то время не только чехословацкие представители, но и сами эмигранты исходили из общепринятого предположения, что советская власть в России долго не продержится, а новой, либеральной и демократической России будут нужны образованные, прогрессивные кадры. По словам известного социолога, потомка русских эмигрантов И. П. Савицкого, программа академического центра в Праге была уникальной в своём роде – «она требовала отказа одновременно и от чисто эмигрантских, и от иммигрантских установок. Она требовала, чтобы профессора и студенты вели себя в совершенно ненормальных условиях

совершенно нормально: профессора, как в заграничной научной командировке, студенты, как заканчивающие образование за границей» (Савицкий, 1999, с. 68). Но в эмиграции данная директива была невыполнимой задачей. Не представлялось возможным чувствовать и ощущать себя в инородной среде как дома. Достаточно обратить внимание на одно чрезвычайно важное препятствие, которое затем пришлось преодолевать всем русским высшим учебным заведениям в Праге. Обнаружилось, что уже в самом начале деятельности Русского института сельскохозяйственной кооперации наблюдалось полное отсутствие учебных пособий на русском языке. Только в 1922 г. профессору Брунсту пришлось издать солидное по размерам пособие по животноводству в 325 страниц, а также в литографированном виде 175 страниц лекций и конспектов по животноводству и земледелию. Все преподаватели должны были начинать с составления пособий и конспектов для слушателей. Кроме того, нельзя было сослаться на свой печатный опыт, в том числе на другие работы, так как их просто не было ни в библиотеках, ни на рынке. Сложной оставалась ситуация с адаптацией слушателей из числа наших соотечественников. Анализ результатов учёбы старшеклассников в гимназии в Моравской Тржебове показал, что они не готовы воспринимать новый материал, в связи с чем приходилось всё начинать с азав. Особая ситуация наблюдалась при непосредственном взаимодействии родственных языков во время пассивной или активной коммуникации их носителей. В русской эмигрантской колонии, в Праге, стал «притчей во языцех» крик носильщиков на вокзале. Всех прибывающих встречали возгласы «Позор!» Но, оправившись от первого испуга и узнав, что это значит «осторожно», эмигранты начинали лопотать по-чешски и без особого труда договаривались на улице и в лавках, так как чехи часто заявляли, что русский понимают. Русские думали, что они говорят по-чешски, а чехи, что они говорят по-русски. Историк С. Г. Пушкарёв даже составил длинный список таких слов под заглавием «Словарь русско-чешских недоразумений». В своих мемуарах Н. Е. Андреев также припоминал, как ему по прибытии в Прагу бросились в глаза удивительные с точки зрения носителя русского языка вывески «Горьки млеко», «Черстви хлеб» (Ковалёв, 2009, с. 274 – 275). Надо сказать, что «ложные друзья переводчика» удивляли всех без исключения русских, которые вне зависимости от исторического периода оказывались в славянском зарубежье. Закономерно, что столкновение с чешским языком вызывало немало трудностей среди эмигрантов. Бытовало мнение, что сходство двух славянских языков настолько очевидно, что перевод вообще не нужен. Не случайно в 1930-х гг. К. Д. Бальмонт сетовал, что «славяне

мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов». О своей чешской проблеме писал В. М. Ходасевич: «Чешский язык для меня труден, так как надо лавировать между русским и польским» (Ковалёв, 2009, с. 274). Языковой барьер был камнем преткновения в образовательной среде, как для русских, которые учились на чешских факультетах, так и для чехов, изучающих русские дисциплины. Так, на русские лекции академика Кондакова в Карловом университете сначала записалось немало чешских студентов, но они быстро отсеялись. Не помог и переход на французский. Единственный в те годы «общеславянский» язык – немецкий – был в опале по политическим соображениям. Для чешских студентов невозможность слушать Кондакова была неприятностью, но не более того. Для русских студентов в чешских вузах непонимание преподавателей было катастрофой. Однако ситуация постепенно налаживалась. В учебных заведениях стали вводить курсы по изучению русского и чешского языков. Некоторые наши соотечественники начинали понимать, что знание чешского языка и культуры было необходимым условием выживания в иноязычной среде, особенно в последующие 30-е годы «великой депрессии», когда русские эмигранты находились на грани выживания. Большая часть русских эмигрантов всё же оставалась за бортом чешской цивилизации, однако сохраняла свой родной русский язык, надеясь на скорое возвращение в «потерянный рай». Социальная замкнутость, ностальгические настроения были основным лейтмотивом первой волны эмиграции. Культурная и языковая ассимиляция распространилась только на последующие поколения потомков, а прежние ностальгические мотивы остались в мемуарах родителей-переселенцев. Потомки, рождённые вне естественной метрополии, впитывали в себя новую культуру, вступали в смешанные браки, на которые в первые годы лихолетья в диаспоре распространялось табу. Как отмечает в своём исследовании З. Сладек, русские эмигранты жили исключительно своими интересами, о благодарности за помощь со стороны чехословацкого правительства не могло быть и речи, т.к. они считали, что «русская акция» содержалась на русское царское золото; не было понимания и в культурных реалиях, например, чехи не принимали русское чаепитие за самоваром, а русских не устраивал «чешский» ритм жизни. К тому же в учёной среде часто возникали методологические споры между русскими и чешскими преподавателями. Русские эмигранты отличались чванливостью и чрезмерным высокомерием. «Ситуация доходила даже до того, что ни один русский студент не сподобился завести серьёзные отношения с чешской» (Sládek, 2009, с. 331). Стоит также упомянуть и о младшей поросли наших соотечественников,

которым пришлось учиться в средних учебных заведениях исключительно на чешском языке. Их положение улучшилось только после переезда Русской школы и гимназии из Константинополя в г. Моравска Тржебова. Учебное заведение в Константинополе посещали прежде всего дети-сироты, потерявшие во время гражданской войны своих близких. После прибытия Константинопольской школы в Чехословакию к ним постепенно присоединялись дети, приехавшие сюда с родителями, а также те, кто здесь уже родился. Дети и молодые люди в Моравской Тржебовой жили в общежитии, ходили в форме, как это было принято в России, и все предметы велись на русском языке; в целях культурной интеграции преподавался также чешский язык. В корне отличались языковая ситуация и коммуникативная адаптация наших переселенцев-эмигрантов на востоке страны, в Словакии. Русские переселенцы здесь проживали преимущественно в Прешовской и Кошицкой областях. Мало здесь было и образовательных учреждений. Немногочисленные русские студенты посещали словацкие факультеты – прежде всего юридический и медицинский, преподавание на которых велось на чешском и словацком языках, русский язык здесь был редким явлением. Русских детей и подростков практически до второй половины 20-х гг. здесь не было. Однако в Прешовской части Словакии (Пряшевская Русь) проживало более 1500 русинов, которые сразу после образования Чехословацкой Республики потребовали открытия русских школ. Такие учебные заведения существовали, но на территории Подкарпатской Руси, где первая русская гимназия была учреждена в 1863 году. Открытию русских школ в Словакии способствовал и приезд представителей русской эмиграции. Первая русская гимназия была открыта в 1936 г. в Прешове. Преподавание здесь велось на русском и русинском языках. В 1953 г. власти закрыли все русские школы. Учащимся было предложено перейти в учебные заведения, где преподавание велось на украинском языке. Подавляющее большинство учащихся школ от этого отказалось и поступило в школы со словацким языком. Надо сказать, что в речевой практике русские молодые люди испытывали сильную интерференцию как результат контактирующих славянских наречий, особенно если они уже в некоторой степени владели чешским или были знакомы с другими славянскими языками. К тому же языковая ситуация в Словакии была представлена богатым списком языковых взаимодействий, что прямо или косвенно влияло на коммуникативную ситуацию в регионе.

Интересными представляются наблюдения за потомками русских переселенцев в США. Надо сказать, что часть русских переселенцев в самом

начале Второй мировой войны по соображениям безопасности переместилась на американский континент. В отношении к родному русскому языку было несколько путей воспитания русских детей в США. Наиболее характерный первый предусматривал воспитание ребёнка в свободном режиме, но дома все говорили по-русски, соблюдали российские обычаи, и родители регулярно ходили в церковь. В этом случае дети воспринимали язык родителей, который органично уживался с английским языком, почерпнутым на американской улице. Увы, здесь не всё было просто: пользуясь предоставленной свободой, дети часто теряли контакт с родителями, а в общении со сверстниками стеснялись разговоров по-русски. Приверженцы второго пути рассуждали: я – русский эмигрант и несчастный человек, потерявший родину. Чтобы мои дети не были несчастными, их нужно воспитать в американском духе. В таких семьях говорили только по-английски. Однако среди русских иммигрантов лишь немногие могли говорить по-английски свободно, для остальных был характерен ломаный язык с сильным акцентом и множеством речевых ошибок, и дети, вырастая, чувствовали внутреннее противоречие родителей, что также приводило к утрате духовной связи с ними. Был и третий путь – русская семья должна воспитать ребёнка в своём духе, передать ему все те духовные ценности, которыми она обладает. А когда у ребёнка создан прочный моральный фундамент, не препятствовать его восприятию иностранной культуры (Хисамутдинов, 2010, с. 111 – 112). О речевом портретировании «русских» американцев говорится и в других исследованиях. По мнению Е. Ю. Васяниной, в русскоязычной среде США состояние русского языка и отношение к вопросу о его сохранении не связаны напрямую с таким понятием, как поколение эмиграции: даже родившиеся в одной семье братья могут очень по-разному относиться к языку родителей и в разной степени владеть им. Сфера, в которой русский язык используется представителями второго поколения, как правило, весьма ограничена. Одна её испытываемая собеседница писала: «Большая проблема сохранить русский язык у людей моего возраста. У детей, которые были привезены с родителями в эмиграцию... так как и у нас больше общения с американцами... и язык теряется... И сам язык, и качество самого языка становится низкое, перемешанное с английскими фразами... получается ужасно» (Васянина, 2001, с. 97).

Представленные в этой статье наблюдения показывают неоднозначность и многогранность исследуемой проблематики. Лингвоперсоналогическое направление в лингвистике открывает новые перспективы в изучении русского зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

- БУРЛАК, В. Н.: *Русский Париж*. Москва: Вече, 2008. 416 с. ISBN 978-5-98854-011-3.
- ВАСЯНИНА, Е. Ю.: *Наброски к лингвистическому портрету русских американцев*. In: *Русский язык за рубежом*, 2001, с. 95 – 104. ISSN 0131–615–X.
- ГОЛЕВ, Н. Д.: Лингвоперсоналогическая гипотеза языковой системности. In: *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания*. Алтайск. гос. акад. образ. им. В. М. Шукшина. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014, 3, с. 6 – 13. ISSN 978-5-85127-806-8, 978-5-85127-624-8.
- КОВАЛЁВ, М.: Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920 – 1930-е годы. In: *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity*. Červený Kostelec – Praha, 2009, s. 273 – 281. ISBN 978-80-87378-10-6.
- КОРОСТЕЛЁВ, О. А.: Предисловие. In: *«Если чудо вообще возможно за границей...» Эпоха 1950-х в переписке русских литераторов-эмигрантов*. Москва: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008, 816 с. ISBN 978-5-98854-011-3, 978-5-85887-309-X.
- ПУШКАРЁВА, Н. Л.: Русские за рубежом. In: *Русские*. Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. Москва: Наука, 2005. 828 с. ISBN 5-02-010320-9.
- САВИЦКИЙ, И.: Специфика Праги как духовного центра эмиграции. In: *Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чешской Республике (1919 – 1939)*. Сборник статей под ред. Л. Белошевской. Ч. I. Slovanský Ústav AV ČR, Прага, 1999, s. 47 – 96. ISBN 80-86420-00-0.
- ХИСАМУТДИНОВ, А. А.: *Русский Сан-Франциско*. Москва: Вече, 2010. 368 с. ISBN 978-5-95-33-42-78-0.
- ЧУМАКОВ, А. В.: *Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность..* Bratislava: Stredná odborná škola polygrafická, 2008. 172 s. ISBN 978-80-969361-3-7.
- SLÁDEK, Z.: Prostředí ruské emigrace (1919 – 1938). In: *Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чешской Республике (1919 – 1939)*. Сборник статей под ред. Л. Белошевской. Ч. I. Praha: Slovanský Ústav AV ČR, 1999, s. 7–47. ISBN 80-86420-00-0.

SLOVENSKO-MACEDÓNSKE JAZYKOVÉ PARALELY V OJKONYMÁCH II.

Peter Ivanič

SLOVAK-MACEDONIAN LANGUAGE PARALLELS IN OIKONYMS II.

Abstract: Slovakia and Macedonia are connected each other by several bounds, but research into the Slovak-Macedonian relations is without a long tradition. The author of the article dealt with parallels in oikonymy and he tracked names of settlements derived from the word: beech, break, field maple, flint, hawthorn, hazel, maple, lion and stones. Each settlement of them was designated by the present-day as well as historical form of its name. In some cases designations which are not in use are concerned. Regarding settlements in Slovakia there were often Hungarian and German designations, too. Finally, the author is concerned with etymologies of the settlements names. The discussed oikonyms are represented in a large number in Slovakia as well as in Macedonia.

Keywords: Slovakia, Macedonia, settlement names, oikonym, fytonym

Slovensko a Macedónsko spájajú viaceré väzby, no výskum slovensko-macedónskych vzťahov nemá vo vede veľkú tradíciu. Príspevok je pokračovaním článku *Slovensko-macedónske jazykové paralely v ojkonymách I.* (Ivanič, 2016, s. 2 – 9). Zameral som sa v ňom na pomenovania obcí odvodené z apelatív *buk, hloh, javor, klen, kameň, kremeň, lev, lieska, lom a lukav*. Pri analýze osadných názvov ako celku je dôležité nielen prizerať na súčasný spisovný jazyk, na jeho normu, zákonitosti a slovnú zásobu, ale treba brať do úvahy aj vývin národného jazyka vo všeobecnosti a na vývin jeho slovnej zásoby so zreteľom na jeho geografické členenie (Majtán, 1998, s. 20). Pri jednotlivých obciach preto uvádzam súčasnú podobu názvu a tiež jeho historické podoby. Následne sa zaoberám aj jeho etymológiou. Pri analýze názvoslovnia som využil aj nedávno vydaný Slovensko-macedónsky slovník (Цветановски – Митревски – Танески, 2014). V prípade Macedónska sledujem aj pomenovania, ktoré existovali na území Pirinskej a Egejskej Macedónie, ktoré sú v súčasnosti súčasťou Bulharska, Grécka a čiastočne Albánska.

Názvy odvodené od apelatíva *buk*

Na Slovensku v Bukovskej kotline je situovaná **Buková**. Písomne sa spomína: 1256 *Byk*, 1366 *Eleskw*, 1504 *Eleskew*, *Osztrziess*, 1773 *Bixard*, *Bixárd*, 1786

Bikszard, 1808 *Bikszárd*, *Bixárd*, 1863–1920 *Bikszárd*, 1927 – 1948 *Biksard*, 1948 – *Buková* (Encyclopaedia Beliana 2, 2001, s. 367). **Bukovce** sa rozprestierajú v Nízkych Beskydách na východnom Slovensku. Vznikli v roku 1964 zlúčením Veľkých a Malých Bukoviec. **Malé Bukovce** sa v prameňoch uvádzajú nasledovne: 1658 *Bukocz*, 1773 *Bukocz*, *Bukowcze*, 1786 *Bukocz*, *Bukowce*, 1808 *Bukócz*, *Bukowce*, 1863 – 1882 *Bukóc*, 1888 – 1902 *Zemplénbukóc*, 1907 – 1913 *Kisbukóc*, 1920 *Zemplínske Bukovce*, 1927 – 1964 *Malé Bukovce*. Veľké Bukovce sú písomne doložené 1379 ako *Bokoch*, *Bokouch*, *Bokwa*, 1773 *Bukocz*, *Bukowecz*, 1786 *Bukocz*, *Bukowec*, 1808 *Bukócz*, *Bukowec*, 1863, 1888 – 1902 *Sárosbukóc*, 1873 – 1882 *Bukóc*, 1907 – 1913 *Nagybukóc*, 1920 *Šarišské Bukovce*, 1927 – 1964 *Veľké Bukovce* (Encyclopaedia Beliana 2, 2001, s. 367). **Bukovec** sa nachádza v Košickom kraji. Písomne doložený: 1346 *Bakolch*, 1427 *Bowkowicz*, 1461 *Bwkolz*, 1630 *Bukocz*, 1773, 1786 *Bukocz*, *Bukowcze*, 1808 *Bukócz*, *Bukowec*, *Bukowce*, 1863 – 1902 *Bukóc*, 1907 – 1913, 1938 – 1945 *Idabukóc*, 1920 – 1938, 1945 – *Bukovec* (Encyclopaedia Beliana 2, 2001, s. 367). Rovnomenná obec je situovaná v západnej časti Trnavskej pahorkatiny a v prameňoch sa uvádza nasledovne: 1609 *Bukoc*, 1773 *Bukocz*, *Bukowetz*, *Bukowecz*, 1786 *Bukocz*, *Bukowecz*, 1808 *Bukócz*, *Bukowec*, *Bukowce*, 1863 – 1907 *Bukóc*, 1913 *Berencsbukóc*, 1920 *Bukovec*, *Bukovce*, 1927 – *Bukovec* (Encyclopaedia Beliana 2, 2001, s. 368). **Pohronský Bukovec** leží v doline potoka Bukovec na južných svahoch Nízkych Tatier a v písomných prameňoch sa spomína 1563 ako *Wuggawitz*, *Wucowitz*, *Wukhawitz*, 1675 *Bukkowetz*, 1808 *Bukovecz*, *Bukowec*, 1863 – 1882 *Bukovec*, 1953 – *Pohronský Bukovec* (Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 414). **Bukovina** je situovaná v strede Liptovskej kotliny. Písomne doložená 1297 *silva Naghbukovina*, 1388 *Bokovina*, 1392 *Bakonia*, 1506 *Bukovina*, 1773 *Bukovina*, *Bukowina*, 1786 *Bukowina*, 1808 *Bukovina*, [cum *Dusány*], 1863 *Bukovina és Dusány*, 1873 – *Bukovina* (Encyclopaedia Beliana 2, 2001, s. 368). V roku 1971 sa súčasťou Bzenice stala dedina **Bukovina**, ktorá sa spomína v písomných prameňoch nasledovne: 1414 *Bakouicza*, *Bakawycha*, *Rakawicha*, 1428 *Bokowynie*, 1519 *Bwkowyna*, 1773 *Bukovina*, *Bukowina*, 1786 *Bukowina*, 1808 *Bukovina*, *Bukowinka*, 1863 – 1888 *Bukovina*, 1892 – 1913 *Bükköskút*, 1920 – 1971 *Bukovina* (Ivanič, 2006, s. 43; Majtán, 1998, s. 50). Miestne časti Novej Bane a Draviec nesú tiež názov **Bukovina** (Encyclopaedia Beliana 2, 2001, s. 368). **Šiatorská Bukovinka** sa v roku 1960 odčlenila z obce Radzovce (Vlastivedný slovník obcí na Slovensku III, 1978, s. 121).

V Macedónsku severne od Kičeva leží obec **Букојчани**, ktorá sa uvádza v tureckých súpisoch z 15. a 16. storočia. Od roku 1863 je v Synodiku Bigorského kláštora zapísaná ako **Bukoïçani** (Станковска, 1995, s. 37 – 38). Západne od hlavného mesta Skopje sa rozprestiera obec **Буковиќ**.

Názvy obcí **Buková, Bukovce, Bukoves, Букојчани** i **Буковиќ** sú odvodené od fytonyma *buk* (бук) – latinsky *Fagus* <stsl. воукъ, -ковѣ, psl. *bukъ> (Станковска, 1995, s. 38).

Názvy odvodené od apelatíva *hloh*

Hlohovec sa rozprestiera v úvaline medzi južným výbežkom predhoria masívu Považského Inovca a časťou Nitrianskej pahorkatiny. Mestom preteká rieka Váh. Písomne doložené: 1113 *Golguz*, 1209 *Golgouc*, 1222 *Golgouch*, 1237 *Golgoch*, 1276 *Galgouch*, 1365 *Golgocz antiqua*, 1369 *Wygalgoch*, 1773 *Galgocz, Freystadl, Fraisstak*, 1786 *Galgócz, Freystadtl, Frassták, Eleutheropolis*, 1808 *Galgócz, Freystadl, Frassták, Frayssták*, 1863 – 1913 *Galgóc*, 1920 *Hlohovec, Frašták*, 1927 – *Hlohovec* (Encyclopaedia Beliana 6, 2010, s. 46).

Vo Velešskom regióne leží dedina **Глоговица**, ktorá sa v 16. storočí uvádza ako **Glogovica**. Dedina s takýmto názvom existovala aj na území dnešného Grécka (Станковска, 2001, s. 95).

Názvy obcí **Hlohovec** i **Глоговица** pochádzajú z fytonyma *hloh* (*glog*) <stsl. глогъ, psl. *glogъ>. Názov **Глоговица** bol vytvorený s príponou miesta *-ica* (Станковска, 2001, s. 95).

Názvy odvodené od apelatíva *javor*

V roku 1953 vznikla zlúčením obcí Blažov, Dvorce, Ruskinovce a Ľubické Kúpele vojenská oblasť **Javorina**, ktorá je však neobývaná (Encyclopaedia Beliana 7, 2013, s. 433). Na severnom úpätí Belianskych Tatier je situovaná **Tatranská Javorina**. Písomne doložená 1863 – 1947 ako *Javorina*, 1993 – *Tatranská Javorina* (Majtán, 1998, s. 294).

Dediny **Јаворниса** sa nachádzajú v Bersku (Egejská Macedónia) a Petričku (Pirinská Macedónia). Pod týmto názvom existovala v roku 1941 aj ďalšia obec na území dnešného Grécka. V dnešnej gréckej časti Macedónie bola tiež dedina **Јавориса** (Станковска, 2001, s. 172).

Názvy **Javorina, Јаворниса** a **Јавориса** možno odvodiť od fytonyma *javor* (*javor*) – latinsky *Acer pseudoplatanus* <stsl. яворъ, psl. *avorъ>. Názvy **Јаворниса** a **Јавориса** boli vytvorené s príponou miesta *-ica* (Станковска, 2001, s. 172).

Názvy odvodené od apelatíva *kameň*

Na styku severovýchodného výbežku Levočských vrchov so západnými svahmi Čergovského pohoria leží **Kamenica**. Písomne doložená: 1270 *terra Torkueley*, 1346 *Tharkw*, 1427 *Tharkw*, 1521 *possessio Caminicz sub castro Tharko*, 1600 *Tharkew*. František Uličný uvádza, že názov je zložený z troch

slov: Tor z nemeckého Turm = veža, z maďarských ku = kameň a eley = pod, čiže názov znel „Pod kamennou vežou“ (Uličný, 1980, s. 120, 402). Do roku 1918 sa obec vyskytuje pod názvami *Tarkő* (*Tarkeő*, *Tarkeö*) a *Kamenicza* (*Kamenyica*, *Kamenica*) (Majtán, 1998, s. 126). Na ľavom brehu Hrona pri ústí do Dunaja je situovaná **Kamenica nad Hronom**. Písomne doložená: 1320 *Kuesd*, 1402 *Kuuesd*, 1406 *Keuesd*, 1420 *Kwesd*, 1451 *Kewesd*, 1525 *Keuesd*, 1773 *Kövesd*, 1786 *Köweschd*, 1806 *Kövesd*, 1882, 1892 – 1913 *Garamkövesd*, 1920 *Kamenica nad Hronom*, 1938 – 1945 *Garamkövesd*, 1948 *Kamenica nad Hronom* (Bakács, 1971, s. 146; Majtán, 1998, s. 126). Na východnom Slovensku sa nachádza **Kamenica nad Cirochou**, ktorá leží v dolnej časti doliny Cirochy. Písomne doložená: 1317 *Kementze*, 1416 *Nagkemenche*, 1451 *Kemenche utraque*, 1543 *Naghkemencze*, 1600 *Nagy Kemence a Nagh Kemenche* (Uličný, 2001, s. 204 – 205). Od 18. storočia do roku 1920 je doložená ako *Nagy-Kemencze* alebo *Welka/Welká Kamenica/Kaměňka/Kamenka* (Majtán, 1998, s. 126). V roku bol oficiálny názov 1920 *Kamenica* a od 1927 *Kamenica nad Cirochou* (Majtán, 1998, s. 126). V Košickej kotline severovýchodne od Košíc sa nachádza **Nižná a Vyšná Kamenica**. **Nižná Kamenica** sa prvýkrát uvádza v roku 1347 ako *Kemenche* (Varsik, 1980, s. 69). **Nižná Kamenica** sa v roku 1427 uvádza ako *Alsow Kemenche* a **Vyšná Kamenica** ako *Felsow Kemenche*. V roku 1430 sa spomínajú pod spoločným názvom *Kemenche*. V roku 1630 sú opäť rozdelené ako *Also Kemencze* a *Felseo Kemencze* (Vlastivedný slovník obcí na Slovensku III, 1978, s. 309; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku III, 1978, s. 318). **Nižná Kamenica** sa uvádza do roku 1920 v maďarčine ako *Alsó Kemencze* a v slovenčine ako *Nižní* alebo *Dolny Kamenice* (Majtán, 1998, s. 203). **Vyšná Kamenica** je doložená v tom istom období ako *Felső Kemencze* v maďarčine a v slovenčine ako *Wissna/Wyssní* alebo *Horní Kamenice* (Majtán, 1998, s. 236).

Каменица v delčevskom regióne sa v prameňoch uvádza v rokoch 1570 – 1573. Obec s rovnakým názvom sa v regióne Korčansko v Albánsku uvádza v rokoch 1568 – 1569 (Станковска, 2001, s. 185). **Каменица** v Sersku sa objavuje v písomných prameňoch už v roku 1321 pod gréckym názvom *Καμενίκεια*. V roku 1358 je zmieňovaná ako *ou sele kamenici* a neskôr sa rozdelila na Hornú a Dolnú Kamenicu (**Горна Каменица** и **Долна Каменица**) (Станковска, 2001, s. 186).

Pomenovanie **Kamenica**, **Каменица**, **Каменица** je odvodené od apelatíva *kameň* (*камен*) <stsl. КАМЕНЬ> (Станковска, 2001, s. 186). Božidar Vidoeski uvádza výklad macedónskeho názvu *kamenica* ako „*kameňolom, kamenná pôda, kamenná miestnosť*“ (Видоески, 1999, s. 69). Rovnaké pomenovanie, ktoré sa vyskytuje na Slovensku a v Čechách, býva vysvetľované ako odvodené substantivujúcou príponou *-ica* z prídavného mena *kamenná* (voda

tečúca v kamenistom, skalnom koryte) (Lutterer – Majtán – Šrámek, 1982, s. 140).

Názvy odvodené od apelatíva *klen*

Názvy slovenských obcí **Klenov**, **Klenová** a **Klenovec** súvisia so slovom *klen*. **Klenov** leží na južnom okraji Šarišskej vrchoviny v okrese Prešov. Písomne doložený: 1322 *Zopothnychafeu et Zopothnycha*, *Klyngberk*, 1314 *Clenbeerg*, 1332 – 1337 *Clencberk*, *Clemerberch*, 1340 *Clyngbergh*, 1370 *Zopothnicha*, 1386, 1387, 1391 *Sopothnicha*, 1393 *Klenberk*, *Clenberg*, 1424 *Klemerberk*, 1427 *Klymberk*, 1486, 1504 *Klenbergh*, 1567, 1588, 1600 *Klemerberg* (Uličný, 1990, s. 133 – 134). V neskorších obdobiach sa uvádza: 1773 *Klemerbergh*, *Klembark*, 1786 *Klemerberg*, 1808 *Klemerberk*, 1863 – 1902 *Klembérk*, 1907 – 1913 *Kelembér*, 1920 *Klembark*, 1927 – 1948 *Klembarok*, 1948 *Klenov* (Majtán, 1998, s. 131). **Klenová** sa nachádza v Bukovských vrchoch a patrí do okresu Snina. Písomne doložená: 1548 *Klenowa*, 1567-1600 *Klenoua*, *Klenova*, 1604 *Kalna* (Uličný, 2001, s. 226 – 227). V neskorších obdobiach sa spomína: 1773 *Klenova*, *Klenowe*, 1786 *Klenowa*, 1808 *Klenova*, *Klinowa*, 1863 – 1902, 1939 – 1945 *Klenova*, 1907 – 1913 *Kelen*, 1920 – 1939, 1945 *Klenová* (Majtán, 1998, s. 131). **Klenovec** leží v Slovenskom rudohorí v okrese Rimavská Sobota. Písomne doložený: 1438 *Clenocz*, 1773 *Klenocz*, *Klenowecz*, 1786 *Klenotz*, *Klenowetz*, 1808 *Klenócz*, *Klenowec*, 1863 – 1913 *Klenóc*, 1920 *Klenovec* (Majtán, 1998, s. 131; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 31).

V Macedónsku sa v Kičevskej oblasti nachádza obec **Кленоец**, ktorá sa v defteri Kičevskej nahije v rokoch 1467 – 1468 spomína ako *Гилановеч*. V defteroch v rokoch 1481, 1545 a 1569 je zaznamenaná už ako *Кленоец*. V neskorších obdobiach je doložená nasledovne: 1889 *Кленоецъ*, 1897 *Clenovetz*, 1900 *Klenovec*, 1905 *Klenovetz*, 1930 *Klenovac* (Станковска, 1995, s. 139 – 140).

Pomenovanie obcí **Klenov**, **Klenová**, **Klenovec** a **Кленоец** súvisí s fyto-
nymom *klen* (*клен*) – latinsky *Acer campestris*, starosloviensky *кленъ* (tamže).

Názvy odvodené od apelatíva *kremen*

Na Slovensku **Kremná** leží v strede Ľubovnianskej vrchoviny a vznikla po roku 1551 (Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 99). Písomne doložená: 1773 *Krempach*, *Krenbach*, 1786 *Krempach*, *Krumpach*, 1808 *Krempach*, *Krempach*, *Krempachy*, 1863 – 1902 *Lublókrempach*, 1907 – 1913 *Lublókorompa*, 1920 *Krempach pri Ľubovni*, 1927 – 1948 *Krempach*, 1948 – *Kremná* (Majtán, 1998, s. 148). Významné banícke mesto **Kremnica** leží v Kremnických vrchoch. Písomne doložená: 1328 *Cremnychbana*,

1331 *Kremnicia*, *Cremnicia*, 1332 *Cremnić*, 1335 *Cremnech*, *Cremnecz*, 1338 *Cremnuch*, 1343 *Crempnuch*, 1389 *Chempnichya*, 1394 *Cremnicia*, 1476 *Krembnicia*, 1526 *Kremnica*, 1773 *Cremniczium*, *Körmöcz*, *Kremnitz*, *Kremnicza*, 1786 *Kremnicz*, *Cremnitzium*, *Körmöcz-Bánya*, 1808 *Cremnicium*, *Körmöcz-Bánya*, *Kremnitz*, *Kremnica*, 1863–1913 *Körmöcbánya*, 1920 *Kremnica*. (Majtán, 1998, s. 148; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 99). **Kremnické Bane** sú situované asi 4 km severne od Kremnice. Písomne doložené: 1361 *villa Johannis*, 1808 *Perk*, *Berg*, 1863, 1888 *Berg*, 1892–1913 *Jánoshegy*, 1920 *Piarg*, *Berg*, 1927–1948 *Piargy*, *Johannesberg*, 1948–1952, 1954–1980, 1992–*Kremnické Bane* (Ivanič, 2006, s. 58; Majtán, 1998, s. 148). Obec **Stará Kremnička** leží na juhozápadnej časti Kremnických vrchov v doline Kremnického potoka. Písomne doložená: 1442 *alten Chrempnitz*, 1455 *Okermech*, 1487 *Okernech*, 1773 *Ó-Kremnicska*, *Alt-Kremnitz*, *Stara Kremniczka*, 1786 *Kremnicschka*, *O-Kremnicschka*, *Alt-Kremnitz*, 1808 *Ó-Körmöcz*, *Alt-Kremnitz*, *Kremnička*, 1863–1873, 1888–1907 *Ókörmöcske*, 1877–1882 *Körmöcke*, 1913 *Ókörmöcke*, 1920 *Kremnička*, 1927–*Stará Kremnička* (Ivanič, 2006, s. 76; Majtán, 1998, s. 275).

V Bitolskej oblasti Macedónska je situovaná obec **Кременуса**. Dedina s rovnakým názvom existovala v oblasti Arta v dnešnom Grécku. V roku 1941 sa uvádza vo forme Γρεμμειύσσα (Станковска, 1995, s. 224).

Pomenovania **Kremná**, **Kremnica**, **Кременуса**, **Kremnické Bane**, **Stará Kremnička** sú odvodené z apelatíva *kremeň* (*кремен*) (Станковска, 1995, s. 224). Názov **Kremnica** bol odvodený od potoka, ktorý mal meno utvorené príponou *-ica* zo slova *kremeň* (Lutterer – Majtán – Šrámek, 1982, s. 160).

Názvy odvodené od apelatíva *lev*

Levice ležia v Podunajskej nížine v širokej a plytkej doline dolného Hrona. Písomne doložené 1156 *Leua*, 1300 *Lewa*, 1318 *Lewa*, 1331 *Lyua*, 1425 *Vylewa*, *Olewa*, 1773 *Leva*, *Léva*, *Lebentz*, *Lewicze*, 1786 *Lewa*, *Lewenz*, 1808 *Léva*, *Lewentz*, *Lewice*, 1863–1913, 1938–1945 *Léva*, 1920–1938, 1945–1948 *Levice*, *Léva*, 1948–*Levice* (Majtán, 1998, s. 161; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 147).

V macedónskej oblasti Prespanska na rovnomennej rieke je situovaná obec **Лева Река**, ktorá je zmieňovaná v Slepčenskom kódexe zo 16. storočia ako *лѣва рѣка* i v 17. storočí vo forme *лѣвѣ рѣка* (Пјанка, 1970, s. 123).

Názvy **Levice** a **Лева Река** možno odvodiť od slova *lev* (*лев*) <stsl. *лѣвъ*, psl. **lěvъ*>. Názov **Levice** bol vytvorený s príponou miesta *-ic(e)* (Станковска, 2001, s. 243–244).

Názvy odvodené od apelatíva *lieska*

Obec **Krišovská Liesková** vznikla v roku 1960 zlúčením obce **Križany** (po 1913 zlúčením obcí **Krišov** a **Mokča**) a **Liesková** do obce **Krišovská Liesková**. Samostatná **Liesková** je písomne doložená: 1364 *Monyorous*, 1375, 1379 *Monyoros*, 1425 *Monyaros*, 1427 *Monoros*, 1567 – 1599 *Monyoros*, *Magioros*, 1773 *Mogyoros*, 1786 *Mogyorosch*, 1808, 1863 – 1902, 1927 – 1938, 1945 – 1948 *Mogyorós*, 1907 – 1913, 1938 – 1945 *Ungmogyorós*, 1920 *Modoroš*, 1948 – 1960 *Liesková* (Majtán, 1998, 148; Uličný 1995, s. 138 – 139). Obec **Kysucký Lieskovec** leží na západnom okraji Kysuckej vrchoviny pri ústí Lodňanky do Kysuce. Písomne doložený: 1438 *Lezkovecz*, *Lezkowecz*, *Leskovecz*, *Lieszkovacz*, 1503 *Lezkowecz*, 1504 *Leszkovecz*, 1506 *Lezkowcz*, *Leszkovecz*, *Leszkova*, 1507 *Leszkovecz*, 1509 *Leskowcz*, 1519 *Lezko*, 1583 *Lyskova*, 1584 *Liezkwecz*, 1586 *Lezkovecz*, 1712 *Lieszkovecz*, 1773 *Lieszkovecz*, *Lieskowec*, 1786 *Lieszkowecz*, 1808 *Liészkwecz*, *Liéskowec*, *Léskowec*, 1863 *Lijeszkwec*, 1873 *Ljeszkovec*, 1877 – 1902 *Lieszkovec*, 1907 – 1913 *Újhelymogyoród*, 1920 *Lieskovec*, 1927 – 1944 *Lieskovec nad Kysucou*, 1944 *Kysucký Lieskovec* (Beňko 1985, s. 27 – 42; Majtán, 1998, s. 154 – 155; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 127). **Lieskovany** ležia v doline Levočského potoka v južnej časti Hornádskej kotliny. Písomne doložené: 1277 *Leskoch*, 1328 *Liskuan*, 1332 *Stoyk*, 1435 *Lezkowan*, 1564 *Monioros alias Leczkocz*, 1773 *Leskovan*, *Haselsdorf*, *Leskowjan*, 1786 *Leschkowan*, *Haselsdorf*, 1808 *Leszkovján*, *Leszkófalva*, *Steckensdorf*, *Haseldorf*, *Léskowjany*, 1863 – 1902 *Leszkovján*, 1907 – 1913 *Leszkovány*, 1920 *Lieskovany*, *Leskoviany*, 1927 – 1946 *Lieskoviany*, 1946 – 1987, 1990 – *Lieskovany* (Majtán, 1998, s. 162; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 156). **Lieskovec** je situovaný na juhovýchodnom okraji Ondavskej vrchoviny. Písomne doložený: 1430 *Lyskolcz*, *Lyzkoch*, 1543 *Lyzko*, 1548 *Lyskowcz*, 1580 *Leskoch*, 1601 *Lezkocz*, 1786 *Leszkocz*, 1808 *Liészkwecz*, *Léskwecz*, *Ljéskowce*, 1863, 1888 – 1902 *Leszkóc*, 1873 – 1882 *Leskóc*, 1907 – 1913 *Mogyorósfalu*, 1920 *Liškovec*, 1927 – *Lieskovec* (Majtán, 1998, s. 162; Uličný 2001, s. 281). Ďalší **Lieskovec** leží v južnej časti Zvolenskej kotliny. Písomne doložený: 1401 *villa Leskouecz*, 1424 *villa Lyskowych*, 1773, 1786 *Lieszkocz*, 1808 *Liészkwecz*, *Liéskowec*, *Léskowec*, 1863 *Ljeszkóc*, 1873 – 1882 *Lieszkóc*, 1888 – 1902 *Mogyoród*, 1907 – 1913 *Újmogyoród*, 1920 – 1976, 1990 – *Lieskovec* (Majtán, 1998, s. 162; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 157). Obec **Melčice-Lieskové** vznikla v roku 1975 zlúčením obcí **Melčice** a **Zemianske Lieskové**. **Zemianske Lieskové** je situované na úpätí Bielych Karpát na juhozápade Trenčianskeho podolia. Písomne doložený: 1478 *Lezkocz*, 1598

Liezko penes Milczicz, 1773 *Lieszko*, *Lieskow*, 1786 *Lieszko*, 1808 *Nemes-Lieszko*, *Zemanské Liéskové*, 1863 – 1882, 1892 – 1902 *Nemeslieszko*, 1888 *Nemesljeszko*, 1907 – 1913 *Nemesmogyoród*, 1920 *Zemanské Lieskové*, 1927 – 1974 *Zemianske Lieskové* (Majtán, 1998, s. 187; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku III, 1978, s. 347). **Moravské Lieskové** leží v doline Klanečnice. Písomne doložené: 1398 *Lezkow*, 1477 *Lezko*, 1598 *Liezko Moravocalis*, 1773 *Lieszko*, *Lieskow*, 1786 *Lieszko*, 1808 *Morva-Lieszko*, *Moravské Lieskové*, 1863 – 1882, 1892 – 1902 *Morvalieszko*, 1888 *Morvaljeszko*, 1907 – 1913 *Morvamogyoród*, 1920 – *Moravské Lieskové* (Majtán, 1998, s. 193; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 270).

Blízko macedónskeho mesta Ochrid sa nachádza **Лескоец**. V Slepčenkom kódexe sa spomína v 16. storočí ako **ЛЕСКОВЕЦ** (Пјанка, 1970, s. 101). Iný **Лескоец** je situovaný v blízkosti jazera Horná Prespa a Slepčenkom kódexe je uvedený ako **ЛѢСКОВЕЦ** (Пјанка, 1970, s. 117). Na južnom okraji tohto jazera, dnes už na území Albánska, sa nachádza obec **Lajthizë**, ktorej pôvodný názov bol **Леска** (Пјанка, 1970, s. 143).

Krišovská Liesková, **Kysucký Lieskovec**, **Lieskovany**, **Lieskovec**, **Zemianske Lieskové**, **Moravské Lieskové**, **Лескоец** a **Леска** sú odvodené od fytonyma *lieska* (*леска*) – latinsky *Corylus avellana* (Пјанка, 1970, s. 101).

Názvy odvodené od apelatíva *lom*

Na Slovensku sa slovo *lom* vyskytuje v názvoch obcí **Dačov Lom**, **Lom nad Rimavicou**, **Lomná**, **Lomné**, **Lomnica**, **Lomnička**, **Tatranská Lomnica** a **Veľká Lomnica**. **Dačov Lom** leží na Krupinskej výšine v doline Plachtinského potoka. Písomne doložený: 1336 *terra Lown*, 1337 *Lam*, 1338 *Loom*, 1418 *Laam*, 1483 *Daczolama*, 1500 *Kyslám alias Alsólám*, 1504 *Dacholam*, 1526 *Lam siperior, inferior*, 1773 *Also-Lam*, *Unter-Lam*, *Dolny Lam*, *Felső-Lam*, *Ober-Lam*, *Horny Lam*, 1786 *Dacschólám*, *Alscho-Lám*, *Dacscholám*, *Felschö-Lám*, 1808 *Alsó-Lám*, *Alsó-Dacsó-Lám*, *Dolní Luom*, *Dolní Lom*, *Felső-Lam*, *Felső-Dacsó-Lám*, *Horní Luom*, *Horní Lom*, 1863 *Alsólám*, *Felsőlám*, 1873 – 1888, 1913 *Alsódacsólám*, *Felsődacsólám*, 1892 – 1907 *Alsódacsólám*, *Felsődacsólám*, 1920 *Dolný Dačolôm*, *Dolný Lôm*, *Horný Dačolôm*, *Horný Lôm*, 1927 – 1944 *Dolný Dačov Lom*, *Horný Dačov Lom* (Bakács, 1971, s. 147; Majtán, 1998, s. 60 – 61). **Lom nad Rimavicou** v okrese Brezno leží v Slovenskom rudohorí. Písomne doložený: 1808 *Forgácsfalva*, *Forgácska*, 1877 – 1882, 1892 – 1913 *Forgácsfalva*, 1888 *Forgácsfala*, 1920 – 1926 *Lôm*, *Forgácska*, 1926 *Lom nad Rimavicou* (Majtán, 1998, s. 169; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 186). **Lomná** v okrese Námestovo leží v Podbeskydskej vrchovine na sútoku Bielej Oravy a potoka Lomnica. Písomne doložená: 1609 *Lomna*, 1773, 1786, 1808,

1863 – 1913 *Lomna*, 1920 *Lomná* (Majtán, 1998, s. 169; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 187). **Lomné** leží v Ondavskej vrchovine v okrese Stropkov. Písomne doložené: 1347 *Lona*, 1372 *Lonya*, 1410, 1601, 1773, 1786, 1808, 1863 – 1913 *Lomna*, 1920 *Lomné*, *Lomno*, 1927 *Lomné* (Majtán, 1998, s. 169; Uličný, 2001, s. 281 – 282). Súčasťou Vranova nad Topľou je aj **Lomnica** nachádzajúca sa na západnej terase rieky Topľa. Z roku 1299 pochádza zmienka o tunajšom potoku – *fluvium Lamnicha* (Uličný, 2001, s. 283). Obec je písomne doložená: 1356 *Lodnicha*, 1399 *Lomnicha*, 1402 – 1405 *Lompnicha*, *Lomycha*, 1410 *Lomnycha*, 1471 *Lomnycza*, 1493 *Lwmnycza*, 1519 *Lomnicza*, 1550 *Lumnycza*, 1567, 1582, 1610, 1635 1720 *Lomnicza* (Uličný, 2001, s. 283 – 284). **Lomnička** v okrese Stará Ľubovňa sa nachádza v severozápadnej časti Levočských vrchov v doline Lomnického potoka. Písomne doložená: 1293 *nova villa Lompnycha*, 1329 *Kuslomnicha*, 1511 *Miskalomnic*, 1773 *Kis-Lomnitz*, *Klein-Lomnitz*, 1786 *Kisch-Lomnitz*, *Klein-Lumnitz*, 1808 *Kis-Lomnicz*, *Klein-Lomnitz*, *Malá Lomnica*, *Lomnička*, 1863 – 1913 *Kislomnic*, 1920 *Lomnička* (Majtán, 1998, s. 169; Števík, 2005, s. 30; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II, 1977, s. 187). Uprostred Popradskej kotliny sa nachádza **Veľká Lomnica**. Písomne doložená: 1257 *Lomnicza*, 1285 *Lumpnicz*, 1329 *Lompnycha*, *Noglumnicha*, 1447 *Kakaslompnicza*, 1454 *Kakaslumpnicz*, 1773 *Kakas-Lomnicz*, *Kakas-Lomnitz*, *Grosz-Lomnitz*, 1786 *Kakasch-Lomnitz*, *Gro-Lomnitz*, 1808 *Kakas-Lomnicz*, *Gro-Lomnitz*, *Veľká Lomnica*, 1863 *Kakaslomnic*, *Nagylomnic*, 1873 – 1882, 1907 – 1913 *Kakaslomnic*, 1888 – 1902 *Nagylomnic*, 1920 *Lomnica*, 1927 – 1948 *Veľká Lomnica*, *Gro-Lomnica*, 1948 *Veľká Lomnica* (Majtán, 1998, s. 317; Vlastivedný slovník obcí na Slovensku III, 1978, s. 239). V katastri Veľkej Lomnice vznikla **Tatranská Lomnica**, ktorá je dnes súčasťou Vysokých Tatier (Vlastivedný slovník obcí na Slovensku III, 1978, s. 312-313).

V macedónskom regióne Gostivar sa nachádza dedina **Ломница**. Prvýkrát je doložená v defteroch Tetovského ejáletu v rokoch 1452 – 1453, 1467 – 1468 ako *Село Ломница* (Станковска, 1995, s. 191). V rokoch 1545 a 1568 je zapísaná pod názvom *Горна Ломница* a v roku 1889 ako *Ломница* (Станковска, 1995, s. 191).

V prípade **Veľkej Lomnice** a **Tatranskej Lomnice** bol názov odvodený od potoka Lomnica (1285 *superior Lumpnicza*, 1326 *magna Lumpnich*) a predpokladá sa, že toto pomenovanie je odvodené substantivujúcou príponou *-ica* od prídavného mena *lomná* (voda) vo význame *riečka s úlomkami kamenia, kamenitá riečka* (Lutterer – Majtán – Šrámek, 1982, s. 300). Názov **Lomnica** vo Vranove nad Topľou je tiež odvodený od miestneho rovnomenného potoka (Uličný, 2001, s. 283). V prípade macedónskej obce **Ломница** ide takisto o rovnaký príklad. V tomto prípade slovo *Ломница* malo vzniknúť z apelatíva *лом* s pridaním sufixu *-ьнъ* v ženskom rode *-ьна*. Ljubica

Stankovska uvádza niekoľko vysvetlení tohto pomenovania. Medzi inými napríklad *besná, divoká rieka*. Staroslovienske slovo *лѡмъ* znamená aj *blato* alebo *močiar* (Станковска, 1995, s. 191 – 192).

Názvy typu Lukavica

Na Slovensku sa **Lukavica** nachádza v Nízkych Beskydách v doline rovnomenného potoka. V roku 1351 je doložená len ako *rivulus Lukawycha, aquam Lukawycha, iuxta fluvium Lukawicha* (Uličný, 1990, s. 180). Už ako dedina sa uvádza: 1415 *Lukowicha*, 1426 *Lawka*, 1443 *Lucawa, Lawka*, 1475 *Lwkawycza*, 1600 *Lwkawycza*, 1773 *Lukawicza, Lukawnicza*, 1786 *Lukawicza*, 1808 *Lukavicza, Lúka, Lukawica*, 1863 *Lukovica*, 1873 – 1902 *Lukavica*, 1907 – 1913 *Kislankás*, 1920 *Likavica* (Majtán, 1998, s. 174; Uličný, 1990, s. 180 – 181). Ďalšia **Lukavica** leží vo Zvolenskej vrchovine v doline potoka Lukavica. V písomných prameňoch je najskôr doložený potok Lukavica v roku 1250 *fluvius Lucocha* a v rokoch 1293 a 1296 *fluvio Lococha*. Obec je písomne doložená: 1351 *Lewkocho*, 1389 *Lukauicha, altera Lukauicha*, 1424 *villa Lwkocza*, 1516 *Lukawicze*, 1518 a 1520 *Domonkosfalwa*, 1521 *Lukawicza*, 1524 *Lwkawa*, 1526 *Lwkawycz*, 1773 *Lukavicza*, 1786 *Lukawicza*, 1808 *Lukavicza, Lukavica*, 1863 – 1913 *Lukavica*, 1888 – 1913 *Lukoca*, 1920 – 1987, 1990 *Lukavoca* (Ivanič, 2006, s. 60 – 61; Majtán, 1998, s. 174).

Macedónska **Лукôвица** je situovaná v regióne Delčevsko a spomína sa už v roku 1019 vo forme τὸν Λοτυκόβιτζου. V Bersku v Egejskej Macedónii (dnes súčasť Grécka) sa v roku 1941 uvádza iná **Лукôвица** vo forme Λουκοβίτσα. Z roku 1389 pochádza písomná zmienka o obci **Лукôвица** (selo Loukovica) v Tetovsku. V tureckých defteroch v rokoch 1452 – 1453, 1467 – 1468, 1544 a 1568 je názov obce uvedený vo forme *Лукôвица, Лукојца* (Станковска, 1995, s. 254).

Názov **Lukavica** a **Лукôвица** je odvodený od rovnomenných vodných tokov. Toto pomenovanie bolo odvodené od slova *lukav* (лукав) <stsl. *лѡкавъ*, psl. **lǫkanъ*>, ktoré znamená *krivý, zahnutý* (Станковска, 1995, s. 254).

Ojkonymiu na území súčasného Slovenska formovali v minulosti viaceré etniká. V ranom stredoveku to boli Slovania a predovšetkým od 10. storočia maďarské etnikum. Niektoré pôvodne slovanské názvy sa prispôbili foneticky maďarčine a ďalšie obce sa v písomných prameňoch vyskytujú len s maďarským pomenovaním. V prípade niektorých obcí na Slovensku sa v minulosti uplatnilo často aj nemecké pomenovanie. Tento fakt súvisí priamo s historickým vývojom. Nemecké etnikum sa na území dnešného Slovenska usadzovalo predovšetkým od polovice 13. storočia. Toto sa prejavuje aj

v postupnom náraste počtu nemeckých názvov jednotlivých obcí. Po vzniku Československej republiky v roku 1918 a po roku 1945 sa však maďarské a nemecké názvoslovie zmenilo na slovenské. Na území historického Macedónska sa aj v tureckých daňových súpisoch z 15. a 16. storočia vyskytujú len slovanské názvy. Po roku 1945 v oblasti egejského Macedónska, ktoré patrí Grécku, došlo k uplatneniu nového gréckeho názvoslovía. Na záver možno konštatovať, že sledované ojkonymy sú zastúpené na Slovensku ako aj v Macedónsku vo väčšom počte.

LITERATÚRA

- ЦВЕТАНОВСКИ, Г. – МИТРЕВСКИ, Љ. – ТАНЕСКИ, З.: *Словачко-македонски речник = Slovensko-macedónsky slovník*. Скопље: Винсент графика, 2014. 480 с. ISBN 978-608-4571-26-1.
- Encyclopaedia Beliana 2*. Bratislava: Encyklopedický ústav SAV – Veda, 2001. 686 s. ISBN 80-224-0671-6.
- Encyclopaedia Beliana 6*. Bratislava: Encyklopedický ústav SAV – Veda, 2010. 686 s. ISBN 978-80-970350-0-6.
- Encyclopaedia Beliana 7*. Bratislava: Encyklopedický ústav SAV – Veda, 2013. 686 s. ISBN 978-80-970350-1-3.
- IVANIČ, P.: *Vývoj štruktúry horného a stredného Pohronia v stredoveku*: dizertačná práca. Nitra: UKF, 2006. 179 s.
- IVANIČ, P.: *Slovensko-macedónske jazykové paralely v ojkonymách I*. In: *Xlinguae*, 2016, 9, 2, s. 2-9. ISSN 1337-8384.
- LUTTERER, I. – MAJTÁN, M. – ŠRÁMEK, R.: *Zeměpisná jména Československa. Slovník vybraných zeměpisných jmen s výkladem jejich původu a historického vývoje*. Praha: Mladá fronta, 1982. 373 s. Bez ISBN.
- MAJTÁN, M.: *Názvy obcí Slovenskej republiky (Vývin v rokoch 1773 – 1997)*. Bratislava: Veda, 1998. 600 s. ISBN 80-224-0530-2.
- ПЈАНКА, В.: *Топономастиката на Охридско-преспанскиот базен*. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 1970. 491 с. Bez ISBN.
- СТАНКОВСКА, Љ.: *Македонска ојконимија*. Книга прва. Скопје: Матаморфоza, 1995. 370 с. ISBN 9989-726-01-9.
- СТАНКОВСКА, Љ.: *Топонимите со суфиксот –ица во Македонија*. Скопје – Прилеп: Матица македонска – Институт за старославенска култура, 2001. 574 с. ISBN 9989-9870-4-1, 9989-48-359-0.
- ULIČNÝ, F.: *Dejiny osídlenia Šariša*. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1990. 514 s. ISBN 80-85174-03-0.
- ULIČNÝ, F.: *Dejiny osídlenia Užskej župy*. Prešov: FF UPJŠ, 1995. 351 s. ISBN 80-88722-11-X.
- ULIČNÝ, F.: *Dejiny osídlenia Zemplínskej župy*. Michalovce: Zemplínska spoločnosť, 2001. 760 s. ISBN 80-968579-1-6.
- VARSÍK, B.: *Osídlenie Košickej kotliny III*. Bratislava: Veda, 1980. 584 s. Bez ISBN.

ВИДОЕСКИ, Б.: *Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик*. Скопје: МАНУ. 192 с. ISBN 9989-649-64-2.

Vlastivedný slovník obcí na Slovensku II. Bratislava: Veda, 1977. 520 s. Bez ISBN.

Vlastivedný slovník obcí na Slovensku III. Bratislava: Veda, 1978. 536 s. Bez ISBN.

O PROZAICKEJ TVORBE MARKA GREGURA

Marko Gregur: *Peglica u prosincu*. Koprivnica: Društvo hrvatskih književnika – Podravsko-prigorski ogranak, 2012, 144 s. ISBN 978-953-278-109-0; Marko Gregur: *Divan dan za Drinkopoly*. Zagreb: Algoritam, 2014, 196 s. ISBN 978-953-316-768-8.

Marko Gregur je tridsaťtriročný chorvátsky spisovateľ pochádzajúci z Koprivnice, ktorý začal uverejňovať svoje básne a krátku prózu najprv časopisecky, no dnes môžeme nájsť jeho tvorbu nielen v rôznych domácich a zahraničných periodikách, antológiách a zborníkoch tvorby mladých spisovateľov, ale aj v knižnom vydaní. Zatiaľ má na konte jednu zbierku poézie s názvom *Lirska grafomania* a dve zbierky poviedok *Peglica u prosincu* a *Divan dan za Drinkopoly*. Bol už preložený do angličtiny, španielčiny, ruštiny a bulharčiny.

Patrí medzi najžiarivejšie talenty mladej chorvátskej prózy, čo dokazuje na jednej strane mnoho pozitívnych recenzií na jeho dielo, a na strane druhej množstvo ocenení, ktoré sa mu už podarilo získať počas jeho krátkej kariéry, medzi nimi cena *Ivan vitez Trnski* za najlepší zatiaľ nevydaný rukopis, ktorým bola v roku 2011 *Peglica u prosincu* alebo literárna cena *Prozak*, ktorou bola ocenená jeho druhá zbierka poviedok *Divan dan za Drinkopoly*.

To, že mladý spisovateľ dostane nejaké literárne ocenenie, nie je v dnešnej dobe, keď existuje pomaly viac literárnych súťaží a ocenení ako spisovateľov, nijakou zvláštnosťou. Čo však pri tomto mladom spisovateľovi zvláštnosťou je, je vyspelosť jeho tvorby a premyslená ľahkosť práce s textom.

Predstavte si mladého muža uprostred námestia plného ľudí. Na prvý pohľad sa takmer ničím neodlišuje od masy, ktorú pozorne sleduje. Prechádza sa dookola, alebo sedí na lavičke, a nerobí nič zvláštne, len pozoruje. Nakoniec si vyberie jedného človeka a nenápadne sa poberie za ním. Táto „obet“ ani netuší, aké šťastie ju postretlo. Práve sa stala budúcim hrdinom Gregurovej ďalšej poviedky. Mohol by to byť robotník v továrni, slávna speváčka, chorý starec či malá školáčka, na pohlaví ani na veku nezáleží. Ich príbeh začína vo chvíli, keď sa spisovateľ rozhodne opísať ho.

A prečo si proces zrodu jeho poviedok predstavujem práve takto? Pretože jeho príbehy, aj keď sú vymyslené, zároveň akoby neboli. Zdajú sa skôr odpísané zo života.

Gregur si vyberie postavu, obyčajného priemerného človeka, ničím sa neodlišujúceho od ostatných ľudí, ktorých stretávame každodenne na ulici, a okolo nej vystavia príbeh, ktorý zaujme čitateľa predovšetkým svojou jednoduchosťou a uveriteľnosťou. Na začiatku týchto príbehov nenachádzame postavu v existencialisticky vypätej situácii, a na konci zas nemáme pocit,

že sa jej život zásadne zmenil a že došlo k niečomu, vďaka čomu sa svet zrazu začne točiť opačným smerom. Práve naopak, každá takáto epizódka by mohla byť výsekom z väčšieho celku, napríklad jedna kapitola rozsiahleho románu.

To, že nevieme, čo bolo pred týmto príbehom, ani čo bude nasledovať po ňom, však nevadí. Život ide ďalej, so všetkými radosťami aj starosťami.

A práve tieto bežné ľudské radosti a starosti sú to, čo zaujíma Marka Gregura. Problémy, ktoré rieši vo svojich poviedkach a ktorým čelia jeho postavy, sú zároveň problémami dnešnej spoločnosti. Tomu sa nedá vyhnúť, keďže človek je bytosť spoločenská. Ale spoločenské problémy sú v týchto poviedkach dôležité len, alebo až, do tej miery, do akej ovplyvňujú jednotlivca.

Medzi jeho poviedkami nájdeme príbehy o ekonomických či vojnových vysťahovalcoch, ktorí sa nešťastne či šťastne, vracajú domov či ostávajú v cudzine. Príbehy o slávnych, bohatých a osamelých, ktorí by chceli byť nepoznaní a namiesto peňazí by radšej mali zdravie a niekoho blízkeho. Príbehy o ľuďoch, ktorí všetky tieto veci majú, a nevedia si ich vážiť, ale aj o tých, ktorí vedia veľmi dobre, kde sa skrýva pravé bohatstvo, alebo si to aspoň po malej príručke uvedomia. Nájdeme tu smútok, sklamanie, nádej, lásku, smiech aj úplne hlúpe a absurdné situácie. To dobré vyvažuje to zlé, a všetko má svoje presne stanovené miesto, vo všetkom vládne poriadok.

Zmysel pre poriadok sa tu prejavuje aj na rovine formy. Marko Gregur sa veľmi rád hrá s čitateľom, ale nie na úkor zrozumiteľnosti. Ak strieda časové pásma, rozprávačov, či udalosti, svoje krátke poviedky rozdelí na ešte kratšie úseky, akési podkapitoly, ktoré pomáhajú zorientovať sa v príbehu.

V niektorých poviedkach využíva princíp opakovania, návratnosť informácie, ktorá práve takémuto fragmentárnemu výseku zo života dodáva zdanie celistvosti. Spomínaný princíp využil napríklad v poviedke *Peglica u prosincu*, v ktorej využíva na vyrozprávanie jednej udalosti viacerých rozprávačov. Ide tu o príbeh štyroch kamarátov, ktorí sa po bujarej noci snažia zrekonštruovať jej možný priebeh, ale túto na prvý pohľad ľahkú úlohu im sťažuje zostatkové množstvo alkoholu v krvi. Títo štyria protagonisti sa striedajú v úlohe rozprávača príbehu, pričom nám každý z nich podáva svoj pohľad na priebeh akcie. Ich rozprávačské partie nie sú v poviedke zastúpené rovnomerne, avšak sú stmelené do jedného celku práve spoločným úvodom: „*Probudio sam se u...*“, po ktorom nasleduje pokus o rekonštrukciu udalostí nie tak dávno minulých.

Podobne je to aj v poviedke *Divan dan za Drinkopoly*, v ktorej hlavný hrdina vo vnútornom monológovi, ktorým sa obracia skôr sám k sebe ako k čitateľovi, viackrát začína vetu slovami: „*Ja sam natprosječno inteligentan...*“. Táto poviedka plná sebairónie a opileckého trpkosmiešneho zúfalstva nad

stavom súčasnej spoločnosti, ktoré vyúsťuje do rezignovaného povzdychu, je zároveň šikovnou hrou s čitateľom blízkou autorskej mystifikácii. Pri čítaní tejto poviedky sa čitateľovi, akokoľvek sa tomu snaží ubrániť, natíska predstava samotného autora poviedky a s ňou aj malá záludná nezmyselná otázka. Je to on?

V poviedke *Moj dnevnik (Marta Potočki 2. b razred)* písanej formou denníka malého dievčatka prežívajúceho svoju prvú platonickú lásku k spolužiakovi, sa zas autorovi podarilo prispôbiť štýl zvolenému typu rozprávača bez toho, aby text pôsobil infantilne, čo je pri písaní príbehu „očami dieťaťa“ najväčším rizikom, ktorému sa často nevedia vyhnúť ani ostrieľanejší autori.

Nielen v tejto poviedke preukázal svoju schopnosť plynule prispôbiť svoj jazyk postavám bez toho, aby táto zmena štýlu narušila dojem z čítania. Jazyk jeho príbehov je veľmi nápaditý, plný slangových či nárečových výrazov, ale pritom stále ostáva jednoduchý a zrozumiteľný. Často mu pomáha vykresliť charaktery postáv, ako napríklad v poviedke *Bitka na Neretvi*, v ktorej sú všetky dialógy písané štokavským nárečím z okolia autorovej rodnej Koprivnice.

Gregur je majstrom náznakov a v príbehu necháva len informácie, ktoré sú preň dôležité, poprípade ho môžu ozvláštniť. Vyhyba sa zdĺhavým opisom každého druhu, ako aj hĺbkovým sondám do psychiky svojich hrdinov. Avšak keď čítame dialógy starého vojnového veterána Ivana Lovkoviča a jeho manželky babky Lokice, predstavíme si ich tak živo, že máme pocit ako keby to bola naša kuchyňa, v ktorej sa rozprávajú, kým sa dedo Ivan chystá na predstavenie do kina.

Informácie o okolnostiach deja, ako miesto či časové zaradenie, nám často poskytne autor len v náznaku, ako keby mimochodom. Náповедou, vďaka ktorej sa dozvieme, kde sa poviedka odohráva, môže byť aj už spomínaný jazyk, alebo len tak medzi rečou spomenuté meno známej mestskej ulice, ukryté kdesi v texte.

S časom to môže vyriešiť napríklad aj tak, ako to urobil v *Bitke na Neretvi*. Opisom ľudí čakajúcich pred kinom na začiatok predstavenia. Tu sa mu podarilo v jednom odseku pár vetami vykresliť utešený obrázok rôznorodej spoločnosti čakajúcej na veľkú kultúrnu udalosť, akým premietanie historického filmu v mestskom kine za komunizmu určite bolo.

Vďaka náznakovosti tejto poviedky sa rozšírili aj jeho možnosti pre využitie nečakanej pointy. Na konci príbehu môžeme vidieť, ako odchádza starý Lovkovič z kina značne zmätený, aj keď čitateľ v tej chvíli ešte netuší prečo. Až z posledných viet rozhovoru s babkou Lokicou: „*Kolko još put moram ponoviti – bil sem tam i bil sem ranjeni! A to kaj im nisam rekel na čijoj sem strani bil tam... E, to je već druga priča*“, rekao je domobran Pišta ispijajući treću rakiju, dok

se *polako spušťala noc.*“ sa dozvedáme, že domnelý vojnový hrdina bojoval počas druhej svetovej vojny na strane Nemcov.

Prekvapivého, alebo skôr absurdného, konca sa dočkáme aj v poviedke *Okreni ploču Lozano*, ktorá vyzerá na prvý pohľad ako duchársky príbeh. V skutočnosti je však o všetkom inom viac ako o duchoch, a najviac o ľuďoch, ktorí majú v krčme veľké reči, ale keď príde na lámanie chleba, väčšinou ich premôže strach. Často aj vo chvíli, keď to už nečakajú. Presne ako sa to stalo Lozanovi a jeho priateľom, keď chceli dokázať kamarátom opilcom v krčme, že sa neboja ísť v noci na cintorín a odtiahnuť náhrobný kameň z čerstvého hrobu, lebo duchovia predsa neexistujú.

Aj v ostatných Gregurových poviedkach nájdeme prekvapivú pointu, zaujímavú myšlienku na zamyslenie, nový uhol pohľadu, či nenápadnú hru s formou a postupmi. Ani jedna jeho poviedka nie je rovnaká ako predchádzajúce. Každú poviedku dokáže ozvláštniť niečím iným a predsa sa mu, aj napriek rozmanitosti tém a postupov, nerozpadávajú na množstvo spolu nesúvisiacich textov. Zdá sa mi, že ich drží pokope ich jednoduchosť, a všetci predsa vieme, že v jednoduchosťi je krása, ale myslím, že u Marka Gregura je to jednoduchosť len domnelá, a skutočný vtíp je v rovnováhe.

Patricia Želizňáková

Соколова, Я.: **Лексическая редупликация. Маргинальное явление словацкого языка?** Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. 137 s. ISBN 978-3-659-85019-6.

В представленной вниманию научной общественности монографии *«Лексическая редупликация. Маргинальное явление словацкого языка?»* автор, профессор Яна Соколова, заведующая кафедрой русистики Философского факультета Университета им. Константина Философа в Нитре, обращается к вопросу системных проявлений лексической редупликации в словацком языке. В словацкой лингвистике тема лексической редупликации пока не получала монографической разработки, *«хотя отдельные её типы на разных уровнях языковой системы уже становились предметом рассмотрения парциальных исследований»* (с. 3). Исходным положением рассуждений автора является *новая форма – новое значение – новая функция*, т. е. редупликацию Я. Соколова

рассматривает в семасиологическом, ономаσιологическом и телеологическом (коммуникативно-прагматическом) аспектах. В интерпретации автора редупликация понимается метонимически, т. е. в более широком и более узком смысле. Терминологически она различает *«репликацию (редупликацию слогов и морфем), редупликацию (редупликацию лексем и устойчивых сочетаний), тавтологию (редупликацию конструкций и предложений типа X есть X) и итерацию (редупликацию путём кумуляции, синтаксическим повторением лексем ad hoc)»* (с. 6 – 7). Редупликаты автор характеризует как *«линеаризованные преимущественно двух- и более компонентные словообразовательные конструкции, в которых «копируется» часть целого, чем достигается*

новое информационное и прагматическое качество» (с. 4). Они рассматриваются на уровне лексем, фразеологических единиц и тавтологических конструкций (номинальных тавтологий). Автор подкрепляет текст наглядными образцами (схемами), отражающими формальную структуру редуцированных наименований, фразем и номинальных тавтологий. Цель данной работы – сформулировать дескриптивно-экспланационные интерпретации редуцированных с ориентацией на реальный языковой узус и корпусный анализ (источником многих примеров послужил Словацкий национальный корпус). Методологической основой для исследуемой проблематики стали два взаимодополняющих подхода – лексико-семантический и конструкционный. Первый основан на «анализе языковых единиц от свойств частей к свойствам целого» (с. 6), второй рассматривает составные части конструкций преимущественно «с точки зрения их роли в устройстве целого, т. е. свойства конструкции не выводятся из свойств составляющих её элементов» (там же).

Представленная книга Я. Соколовой отличается чёткостью композиции и продуманной структурой. Она состоит из четырёх разделов, посвящённых системным проявлениям лексической редупликации, т. е. лексической редупликации на уровне

лексических единиц (раздел 2), фразеологических единиц (раздел 3) и тавтологических конструкций (раздел 4). Второй и четвёртый раздел включают несколько подразделов. Составные части монографии – введение и заключение, библиография, именной указатель, указатель проанализированных лексических редуцированных, фразеологических редуцированных и номинальных тавтологий, содержащий 1292 единицы и являющийся ценнейшим источником информации, отражающим языковой узус лексической редупликации в современном словацком языке.

В первом разделе «*Типы редуцированных*» Я. Соколова отмечает неоднородность типологии редупликации и констатирует, что «в некоторых языках [она] проявляет определённые языковые предпочтения (преференции)» (с. 15). В связи с этим автор акцентирует и неоднородность при рассмотрении редупликации в словацкой, чешской, русской и австрийской лингвистической традиции. В данной главе Я. Соколова в таблице на с. 21 приводит собственную классификацию редупликации в словацком языке, способа, «хотя и маргинального, но тем не менее действующего» (с. 16) при расширении словарного запаса словацкого языка. Данную классификацию автор включает с целью составить перечень типов редупликации и тавтологий

в словацком языке (310 примеров, выделенных в тексте курсивом), а также интерпретировать их «прототипические» значения (т. е. описание их семантических, прагматических и коммуникативных свойств). Редупликация, как подчёркивает автор, основана на принципах подобия (конструкционный изоморфизм) и мотивации (редупликация, у которой существует соответствующий нередуплицированный коррелят).

Во втором разделе «Словесная (вокабулярная) редупликация» автор, исходя из чешской и словацкой традиции ономаσιологической трактовки классификации частей речи и словообразования, рассматривает в подразделе 2.1 однословные образования на фоне ономаσιологических категорий (репродукционных, интеграционно-мутационных и интеграционно-модификационных). В таблице на страницах 31 – 32 автор также приводит спектр интерпретаций (семантических классификаторов) вокабулярных редупликатов в словацком языке. Классификации структурных типов вокабулярной редупликации в семасиологическом аспекте Я. Соколова посвящает подраздел 2.2: здесь различаются репликационная, композиционная и аппозиционная словесная редупликация, которые далее рассматриваются более подробно с приведением наглядных примеров. В подразделе

2.3 автор отмечает также онимический аспект словесной редупликации, рассматривая возможности реализации редупликации в пределах антропонимии, зоонимии, топонимии и хремотонимии. Частично освещена проблематика парадигматических отношений словесной (вокабулярной) редупликации, в системе межлексемных отношений которых, согласно автору, лежит «функциональная привлекательность наименования, приводящая к заполнению «свободного» места в лексиконе, т. е. являющаяся результатом парадигматической мотивации» (с. 68). Специальное место отводится и коммуникативно-прагматическому аспекту функционирования вокабулярных редупликатов как прагма-лексем в дискурсе (2.5).

В третьем разделе «Фразеологическая редупликация» речь идёт о вопросах редупликации в пределах многокомпонентных лексикализованных конструкций и фразем, которые автор в духе русской лингвистической традиции понимает «в контексте микросинтаксиса» (с. 75), в состав которого, согласно автору, «входят объекты двух основных типов: нестандартные синтаксические конструкции и синтаксические фраземы» (там же). Классифицируя фразеологические редупликаты согласно структурному (семасиологическому)

подходу, а также в соответствии с целью исследования, Я. Соколова различает полную и неполную редупликацию, причём иллюстрирует её конструкционные типы в словацком языке, представленные в форме фразеосхем, в таблице на с. 77. В таблице на страницах 78 – 80 автор при помощи наглядных примеров к данным конструкционным типам иллюстрирует лексическое наполнение фразеосхем, а также приводит и анализирует множество лексических редупликатов, семантические классификаторы и конкретные формы фразем.

В четвёртом разделе «*Тавтологические конструкции*» автор обосновывает использование номинальных тавтологий носителями словацкого языка, и, опираясь на материал Словацкого национального корпуса, производит верификацию пропозициональных и прагматических функций номинальных тавтологий в позициях аргументов практической (неаналитической) аргументации и экспликации, а также прослеживает влияние лексических коллокатов на контекстуальную зависимость и интерпретации.

В начале данного раздела автор освещает проблематику статуса номинальных тавтологий – конструкций либо предложений – в соответствии с условием рекурсивности, «*которая сводится к простому правилу: «одна и та же вещь» повторяется на разных уровнях...*»

(с. 126). В рамках лингвистического анализа номинальных тавтологий автор выделяет радикально-прагматический (интерпретация номинальных тавтологий как конвенционализированных форм речевых импликатур), радикально-семантический (тавтологические конструкции строятся по определённым семантическим образцам и имеют в конкретном языке постоянную семантическую интерпретацию) и нерадикальный «гибридный», семантико-прагматический (семантика номинальных тавтологий является частично конвенционализированной и частично зависит от контекста) подходы. Придерживаясь последнего подхода, автор в своём ориентировочном представлении о семантике и прагматике номинальных тавтологий исходит из понятия факта, представленного в номинальных тавтологиях существительными, маргинально местоимениями, прилагательными и наречиями; в дискурсе они реализуются как фактуальные предложения тетического характера, т. е. сформулированные в виде тезисов. Перечень номинальных тавтологий по данным Словацкого национального корпуса с указанием частотности употребления автор приводит на страницах 131 – 132. Становится очевидным, что «*с точки зрения коммуникативной лингвистики семантико-прагматический подход к номинальным тавтологиям*

включает как аспект говорящего, так и аспект адресата» (с. 133). В связи с этим автор полагает, что «основой номинальных тавтологий является экземплификация, т. е. отношения между объектом и характерным для него свойством» (там же), осуществляемая на основе классификации и квалификации. На этом основании автор делит номинальные тавтологии на связанный с классификацией (психологический) субъект и связанный с квалификацией (психологический) предикат, демонстрируя это наглядными примерами. Суммируя результаты исследования, Я. Соколова приходит к выводу, что на уровне предложения реализуются простые (фактические) и сложные (координативные) номинальные тавтологии.

В подразделе 4.2 автор отводит место анализу простых и сложных номинальных тавтологий в прагматической перспективе, т. е. с точки зрения их использования в вербальной коммуникации, различая при их оценке мнение и интенцию говорящего, причём свои суждения дополняет наглядными примерами.

В подразделе 4.3 Я. Соколова рассматривает иллюкутивный аспект номинальных тавтологий, исходя из их дискурсивной реализации в формулировке и интерпретации асертивной, сатисфакционной, директивной, коммиссивной и предупредительной

коммуникативных функций. Автор делает вывод, что «диапазон их реализации этим далеко не исчерпывается, поскольку тавтологии являются одним из примеров ассимилятивной гибкости языка, дающей практический смысл якобы редундантным конструкциям» (с. 152).

Положительной оценки заслуживает и такая важная для нас, читателей, особенность монографии, как богатство, разнообразие и тщательность обработки проанализированного автором языкового материала, почерпнутого прежде всего из Словацкого национального корпуса, что даёт возможность показать реальный языковой узус при описании языковой прагматики. Хочется добавить, что составленные автором схемы, отражающие формальную структуру редуцированных наименований, фразем и номинальных тавтологий, делают текст монографии более наглядным и репрезентативным.

Таким образом, следует ещё раз отметить, что монография Я. Соколовой отличается логичностью и последовательностью изложения, убедительностью аргументации при обосновании выдвигаемых положений и написана соответствующим научным и одновременно доступным языком. Рецензируемая монография, безусловно, окажет позитивное влияние на дальнейшее исследование

факторов, отражающих системобразующие тенденции в словарном составе языка. Она будет полезна специалистам в области общей и сопоставительной лингвистики, семантики и синтаксиса, а также преподавателям-славистам.

В целом полагаю, что тема лексической редупликации в уникальной монографической разработке профессора Я. Соколовой имеет высокую теоретическую и прикладную значимость и заслуживает самой высокой оценки.

Ян Галло

AUTORI ČÍSLA

к. ф. н., доц. Евгений Евпак
кафедра русского языка Кемеровского государственного университета (RF),
Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
evpak.72@mail.ru

doc. PaedDr. Ján Gallo, PhD.
Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jgallo@ukf.sk

doc. PhDr. Peter Ivanič, PhD.
Ústav pre výskum kultúrneho dedičstva Konštantína a Metoda Filozofickej fakulty
Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
pivanic@ukf.sk

prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.
Ústav slavistiky Filozofickej fakulty Masarykovej univerzity v Brne (ČR)
ivo.pospisil@phil.muni.cz

д. ф. н., доц. Наталия Семененко
профессор кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского
государственного национального исследовательского университета (RF)
nsemenenko@mail.ru

Bc. Patrícia Želízňáková
študentka ŠP Prekladateľstvo a tlmočníctvo (chorvátsky jazyk – slovenský jazyk) na
UK v Bratislave (SR)
patricia.zeliznakova@gmail.com

SLAVICA NITRIENSIA
časopis pre výskum slovanských filológií

Ročník 5, 2016, 1

Toto číslo vyšlo v júni 2016

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 949 74 Nitra
IČO: 00157716

Návrh obálky a sadzba:
PhDr. Ľuboslav Horvát

Rozsah: 74 strán

Adresa redakcie:
Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464